

ШАГАЯ ПО ЗВЕЗДАМ

18+

Доверься мне.
Закрой глаза.

Я научу тебя шагать по звездам...

КЛЭР ВИРГО

Клэр Вирго

Шагая по звездам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51262057

SelfPub; 2021

Аннотация

Легко ли быть дочерью крупного предпринимателя? Учеба в частной школе, шопинг, любой каприз. А еще «продажа» за долги, жизнь на улице и бегство от полиции. Да уж, весело, ничего не скажешь. И что прикажете делать, если тебя все-таки поймали и вернули домой? Только подчиниться и ждать подходящего случая отомстить.

Что делать, когда твоя жизнь переворачивается с ног на голову? Взять на себя ответственность за малолетнего брата и сумасшедшую мать, стать главой компании вместо умершего отца и забыть о том, как улыбаться и отдыхать. А если со смертью отца не все так просто? И почему судьба снова и снова сталкивает с этой несносной девчонкой, которая ничего не боится и не знает слова «нет»? Может, просто плыть по течению? Или закрыть глаза и пройтись по звездам?..

Содержание

Шагаю по звездам, шагаю по небу,	5
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	49
Глава 7	60
Глава 8	68
Глава 9	76
Глава 10	84
Глава 11	96
Глава 12	103
Глава 13	110
Глава 14	122
Глава 15	127
Глава 16	134
Глава 17	144
Глава 18	153
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Клэр Вирго

Шагая по звездам

Пролог

**Шагаю по звездам, шагаю по небу,
Дотронусь рукой
до луны и кометы.**

**Ты можешь не слушать,
ты можешь не верить,
Но лишь не рассказывай
людям об этом.**

**Закрою я душу,
шагну за реальность,
Пройдусь легкой
поступью по небосводу.**

**Ты можешь не видеть
того, что за гранью,**

**Но лишь подари
мне такую свободу.**

**А звезды мерцают,
а звезды бледнеют.**

стараясь не скрипеть половицами, пошла обратно к лестнице. Отец не любил, когда ему мешали – это она усвоила еще в раннем детстве. А сейчас к нему как раз пришел деловой партнер, и они в библиотеке обсуждали что-то на повышенных тонах.

Партнера этого Шен знала с детства и невлюбила его с первой же минуты. Ей было всего восемь, когда она впервые его увидела. И взгляд, которым он словно ощупывал, уже тогда совсем не понравился Шеннон. И когда он протянул руку, чтобы потрепать по волосам, она отшатнулась, вызвав недовольство отца. Мистер Харридж лишь визгливо рассмеялся и сделал вид, что ничего не произошло. Но с тех пор она не раз замечала на себе его взгляд исподтишка. Тот же ей спину всякий раз, когда она практически в ужасе убегала. С тех пор прошло много лет, Шен повзрослела, научилась давать отпор, но неприязнь к Джонатану Харриджу осталась.

И сейчас этот человек вновь был в их доме, что-то обсуждал с отцом. Она уже хотела быстро подняться по лестнице, как вдруг расслышала свое имя. Стало любопытно. Конечно, ее с детства учили, что подслушивать нехорошо. Отец очень строго следил за тем, чтобы у нее не появилась подобная привычка, поэтому все слуги в доме постоянно наблюдали за девочкой. И все же запретный плод сладок... Она научилась подслушивать с помощью пустого стакана и точно знала, где тонкие перекрытия. Вот и сейчас юркнула в каморку рядом с библиотекой, потому что слышимость там

была замечательная. Однако пришлось признать, что она уже выросла – было очень тесно. Присев на корточки в тесной каморке, где одна нога больно упиралась в пластиковое ведро, а вторая держала швабру, прильнула ухом к перегородке.

– Джонатан, ты хоть понимаешь, что ты говоришь? Шеннон всего семнадцать, а тебе сорок три. Ты дважды вдовец, за тобой тянется шлейф из слухов и домыслов. И это не говоря о наркотической зависимости, от которой ты якобы вылечился, и двух любовницах-содержанках, которые тратят твои деньги направо и налево. – Голос отца был напряженным и усталым.

– Уильям, но ведь ты тоже не образец для подражания, скажем прямо. – Харридж хохотнул. – Чем ты занимался после смерти своей жены, а? Давай посчитаем, сколько женщин прошло через твою постель. А сколько литров спиртного было тобою выпито? И сколько карточных игр проиграно? Ты еще помнишь, сколько мне задолжал?

Тон голоса сменился, теперь Харридж говорил вкрадчиво, отчего Шеннон поморщилась. Так и представлялась змея, обвивающая ногу отца и постепенно подбирающаяся к шее. И еще долг. О каком долге говорил Джонатан? Неужели тот настолько велик, что отец не может его выплатить? А как же компания? Один этот дом стоит несколько миллионов. Что-то тут нечисто...

Вынырнув из своих мыслей, Шен вновь обратилась в слух, так как разговор опять шел о ней.

– Я все помню, Джонатан! И обещаю тебе...

– Я уже давно слышу эти обещания. И больше ждать не намерен. Предлагаю сделку: ты отдаешь мне в жены Шеннон по достижении ею совершеннолетия, а я прощаю тебе долг. Иначе предъявлю его для оплаты, и вам с дочерью ничего не останется, кроме как просить милостыню.

В ужасе Шеннон отшатнулась от стены, ударившись головой и закрыв рот ладонью. Стать женой этого... чудовища? Никогда! Да она лучше милостыню будет просить, но замуж за него не пойдет.

– Ну, что ты решил, Уильям?

– Я должен спросить Шен...

– Да я тебя умоляю, – Харридж все больше раздражался, – ты еще будешь спрашивать у девчонки мнение? Ты ее отец, в конце концов. Браки по расчету не редкость в нашей среде, тебе ли не знать. Ты же помнишь Миранду? Хочешь сказать, что женился на ней по великой любви?

До слуха Шеннон донесся визгливый смешок, и она вновь поморщилась. Как он смеет говорить в таком тоне о ее матери? Он ее даже не знал! Или знал? Червячок сомнения закрался в душу, но она подавила в себе все чувства, вновь прислушиваясь к разговору.

– Тебя не касается, по какой причине я женился на Миранде. Но свою дочь я тебе не отдам!

– Ой, когда это мы стали такие правильные? Не ты ли всего пару дней назад готов был согласиться на брак Шеннон

с Уэйбом Мастерсом, который предлагал тебе за нее десять миллионов долларов?

Выронив из рук стаканчик с мороженым, которое уже успело растаять и теперь потекло по ноге, Шеннон неверяще замотала головой. Быть того не может! Отец решил, что она одна из его племенных кобыл из конюшни?

– Я же предлагаю простить долг, который больше этой суммы. Выплата тебя разорит. Решай прямо сейчас, Уильям, я достаточно ждал. Целых два года! Тогда ты отказал мне, но сейчас у тебя нет другого выхода, кроме как согласиться.

– Два года назад Шеннон было всего пятнадцать! В таком возрасте не выходят замуж. Ей и сейчас рано.

– Я люблю молоденьких, ты же знаешь. – Харридж хмыкнул, а Шеннон еще крепче прижала ладонь ко рту, чтобы не закричать.

– Извращенец! – Отец словно выплюнул это слово.

– Это не твое дело. Твоя задача всего лишь сказать мне «да» в ответ на мое предложение. – Голос вновь стал тихим и вкрадчивым, словно мурлыканье кота.

«Нет, отец, пожалуйста! Скажи ему, что ты не согласен. Лучше ночевать под мостом, чем так». Шен мысленно обращалась к отцу, словно надеялась, что тот ее услышит. Она повторяла это снова и снова, пока не услышала голос отца. После этого она застыла, будто статуя, неудобно скорчившись на полу каморки и не смея даже пошевелиться.

– Я согласен, будь ты неладен. – Ответ прозвучал как при-

говор.

Глава 1

– Эй, а ну стой! Стой, негодник! – Голос преследователя звучал позади, отражаясь эхом в пустом проулке. Судя по звуку, мужчина был все ближе. Да, стоило больше внимания уделять спорту. Теперь уже поздно.

– Стой, кому говорят! Не уйдешь...

А ведь и правда не уйдет, если не схитрить. Стараясь оторваться от преследователя, Шеннон быстро шмыгнула в очередной проулок, но споткнулась о ногу мирно спавшего бомжа и свалилась прямо на него. Встать она уже не успела. Ее подняли за ворот грязной куртки, встряхнули и поставили на ноги, развернув в другую сторону. Чуть подняв голову, она заметила взгляд, которым ее наградили, и нервно сглотнула. Глаза ее недавней жертвы неудавшейся кражи были прищурены, а губы сжались в тонкую полоску. Все говорило о том, что мужчина зол. Очень зол. От такого ничего хорошего не жди. И как ее угораздило связаться с таким? Надо было выбрать того рохлю, который шел чуть впереди. Тот бы ее точно не догнал...

Увидев, что он поднимает руку, Шен инстинктивно вжала голову в плечи и опустила голову.

А мужчина, заметив это, явно растерялся. Наверняка мысль о том, что он может ударить ребенка, была ему неприятна. Медленно опустив руку, он еще раз хорошенько

встряхнул незадачливого воришку.

– Отдавай, что украл, быстро. – Он протянул руку ладонью вверх, давая понять, что желает вернуть свою собственность.

– Простите меня, мистер, пожалуйста. Я больше так не буду. – Шеннон залопотала, доставая из-за пазухи украденный несколькими минутами ранее бумажник. – Отпустите меня, мистер...

– Ну да, конечно, не будешь... Слышал я уже эти сказки и не раз. А ну шагай. – Подтолкнув ее в сторону перекрестка, мужчина кинул монету бомжу, который начал возмущаться, говоря, что нарушили границы его частной собственности и он будет жаловаться. Поймав монету на лету, он замолчал и вновь улегся на грязный картон, служивший ему постелью.

Сделав пару шагов, Шеннон вдруг поняла, куда ее ведут. На соседней улице располагался полицейский участок. Но ей туда никак нельзя! Представив, что будет с ней, когда откроется, кто она такая, попыталась вырваться. Извиваясь всем телом, старалась вытащить руки из рукавов куртки, за воротник которой ее удерживали. В ответ на ее действия мужчина лишь сильнее перехватил ткань, захватив, видимо, кусок кожи, отчего Шен зашипела, как змея. Что-то пробормотав, он чуть ослабил хватку, и жжение в районе шеи прекратилось. Однако Шеннон продолжала вырываться, вкладывая в это все оставшиеся силы. Наконец, незнакомцу это надоело, и он резко рванул ее, прижимая к себе в районе талии. Изо-

гнувшись и уперев руки в широкую грудь, Шеннон попыталась оттолкнуть его. Но это было то же самое, как попытаться сдвинуть с места гору. Тогда она замолотила кулачками по его груди, а он буквально тащил ее за собой, не останавливаясь, лишь пытаясь перехватить ее руки. От резкого движения назад с ее головы упала бейсболка, и длинные светлые волосы спутанными грязными сосульками рассыпались по спине.

От неожиданности замерли оба. Шеннон – от того, что так нелепо раскрыла себя, мужчина – от осознания, что воришка, которого он считал мальчишкой-подростком, оказался девушкой. Он еще сильнее прижал ее к себе и пальцем приподнял подбородок, заглядывая в глаза. В них был неприкрытый страх, природу которого он не понял. Она его, что ли, боится? Ну дела...

– Ты девушка? – Вопрос был однозначно глупым.

– А что, не видно? – Пытаясь показаться уверенной в себе, хотя на самом деле ничего такого не чувствовала, Шен гордо вздернула подбородок.

– Теперь видно. – Голос его стал задумчивым. – И что ты тут делаешь? На беспризорницу вроде не похожа.

– С чего это вы взяли? Я выросла тут.

– Вот и неправда. Руки тебя выдают. – Он поднес ее пальцы ближе к свету. – Да, сейчас ногти обломаны, но еще недавно ты делала маникюр. Вряд ли девчонка, живущая под мостом, может себе такое позволить. Кто ты такая? – Он вни-

мательнее взгляделся в ее лицо. – Ты кажешься мне знакомой, хотя я уверен, что мы никогда не встречались.

Шеннон, как могла, отворачивала от него свое лицо. Если он ее узнает – пиши пропало. А ведь она засветилась на всех новостных каналах. Ну как же, дочь известного бизнесмена Уильяма Макбрайта Шеннон Макбрайт бесследно исчезла из своего дома несколько недель назад. Предположения выдвигались самые разные – от похищения до убийства. Отец назначил награду в полмиллиона долларов тому, кто сообщит о местонахождении Шеннон, но она прекрасно знала с некоторых пор, что у отца нет ни гроша. Эти деньги наверняка дал на ее поиски Джонатан Харридж. И если ее найдут, случится именно то, чего так не хотелось – она попадет в лапы извращенца, который с нее глаз не сводил с самого детства. При воспоминаниях о том, как он на нее смотрел, в голову приходила только одна ассоциация – как кот на сметану. Его взгляд был изучающим, липким, противным. Под ним Шеннон всегда чувствовала себя неуютно. И лишь когда в той камерке услышала правду, поняла, что с самого детства Джонатан мечтал заполучить ее себе в постель. Чертов извращенец! Последний раз она видела его сразу после того подслушанного разговора. Он пришел сообщить ей «радостную» новость – ее отец дал свое согласие на их брак.

– Нет, ни за что! Я не согласна! – взвизгнула она, запустив в него подушкой. Харридж поймал ее на лету и отбро-

сил в сторону, крадучись приближаясь.

– Это неважно, дорогая! Главное, что твой отец согласен. Как только тебе исполнится восемнадцать – а это произойдет уже скоро, осталась всего пара месяцев, – мы поженимся и проживем счастливо. – Эти слова он произносил мурлыча, словно довольный кот. Шеннон содрогнулась, представив их свадьбу.

– Нет! Лучше смерть! – Стоило больших усилий сдержаться и не выдать себя, показав, что ей известна правда. Никто ничего не должен знать.

– Ну что ты, детка, не надо так говорить. Ты так молода, у тебя вся жизнь впереди. Зачем умирать?

– Вот именно, у меня впереди вся жизнь. Но я лучше умру, чем свяжу ее с вами. – Она постаралась придать голосу твердость, но, несмотря на все усилия, он предательски дрожал.

– Нет, милочка, ты умрешь, если не свяжешь ее со мной. – Огонек безумия, полыхавший в его глазах, испугал ее. – Или умрет твой отец. Выбор за тобой. И да, советую заняться приготовлениями к свадьбе. Я хочу, чтобы моя невеста была самой красивой среди всех. Это тебе на расходы. – Он вытащил из кармана чек и бросил на кровать. – Если понадобится еще, только скажи, куколка. Я не поскуплюсь, ты же знаешь, что я чертовски богат. – Бросив на нее масляный взгляд и захохотав, Джонатан вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Первой мыслью Шеннон было порвать чек на мелкие кусочки и развеять по ветру. Она уже протянула руку, чтобы так поступить, но неожиданно в голову пришла другая идея. Теперь у нее был план. Да, она любила отца. Но то, как он поступил, позволяло ей думать, что у нее есть право принять решение самостоятельно. Как и сказал Харридж, до совершеннолетия осталось всего ничего. Если она так нужна этому монстру, то пусть попробует ее найти. А когда ей исполнится восемнадцать, она отыщет способ избежать свадьбы и вернется домой.

Шен взяла бумажку, аккуратно сложила ее и сунула под подушку. Деньги ей еще пригодятся.

Вынырнув из плена воспоминаний, она обнаружила, что все еще стоит на улице в объятиях незнакомца, которого недавно обворовала, а тот внимательно рассматривает ее лицо. Желая скрыться от его взгляда, вновь попыталась вырваться, но безуспешно. Хватка была слишком крепкой. Первый раз в жизни она пожалела, что не в туфлях на шпильке. Хотя...

Шеннон вновь завозилась, отвлекая внимание, а сама резко подняла ногу, согнув ее в колене, и нанесла удар изо всех сил. Ей было плевать, что будет с мужчиной. Важно было убежать, скрыться, уехать из города...

Мужчина не ожидал удара, поэтому разжал руки. Боль разлилась по внутренностям, вынуждая упасть на колени. А

ведь он уже собирался отпустить ее на все четыре стороны. Но такого простить просто не мог.

– Ах ты, дрянь! – прохрипел он в спину убежавшей девушке. – Я найду тебя. Даже не думай, что сможешь скрыться... Шеннон Макбрайт...

Последние слова он произнес почти шепотом, поэтому Шен их не услышала. Она бросилась наутек сразу же, как только почувствовала, что ее отпустили. К моменту, когда мужчина пришел в себя и оказался в полицейском участке, описывая свою встречу с пропавшей девушкой, она была уже далеко.

Глава 2

Шеннон сидела у стойки и потягивала кофе, прикрывая лицо бейсболкой и искоса поглядывая на экран телевизора. Звук был выключен, но это не имело абсолютно никакого значения. Главное, что в новостях не показывали ее. А ведь после того инцидента она еле ускользнула – полиция на ушах стояла, обыскивала все места, где она могла бы спрятаться. Хорошо, что у нее были друзья, которые помогли выехать из города. Хотя друзьями Шен их вряд ли назвала бы в другое время. Друг – это тот, кто будет с тобой до конца и никогда не потребует ничего взамен. А этим людям она платила. У нее еще оставался небольшой запас наличных, полученных по чеку, который дал ей Харридж. Шен предусмотрительно обналичила его, прежде чем сбежать. Часть она потратила сразу же – купила билет на автобус до соседнего города. Но, разумеется, никуда не поехала, а сделала это для отвлечения внимания. Сама же в это время стояла на трассе и пыталась поймать машину, чтобы уехать совершенно в другом направлении. Надо сказать, ей это удалось. Как говорится, мир не без добрых людей. Приехав в Саммервиль, отыскала свою знакомую Дебору Уитлок, с которой училась в пансионе, и попросила приютить на пару дней. Зная, что Дебора шопполик, Шеннон дала ей приличную сумму, отправив в магазин. Та накупила все, что Шен просила: джинсы, хорошие

кроссовки, пара футболок явно большего размера, чем требовалось, бейсболка, куртка. Все незаметных коричнево-серых тонов. Деб пыталась выяснить, для чего Шеннон нужны эти «тряпки», как она говорила, но та лишь загадочно улыбалась и молчала.

Деньги закончились довольно быстро, несмотря на то, что Шен старалась экономить изо всех сил. Конечно, она догадалась отложить небольшую сумму на «черный день», но все чаще казалось, что у нее теперь каждый день – черный. Она считала удачей, если удавалось поесть хоть один раз за сутки и найти место, чтобы переночевать. За неполные полтора месяца в бегах одежда превратилась в нечто, лишь отдаленно напоминавшее вещи из магазина, которые купила Дебора. Но Шеннон была этому даже рада – так она меньше выделялась из толпы беспризорников и бомжей, живших на улицах и промышляющих мелкими кражами. Да и кошельки она воровала виртуозно, спасибо за науку Эмили. Эта малолетка – лет тринадцати, не больше – научила Шеннон вытаскивать кошельки, как только они познакомились. Каждый раз при мысли об Эм на глаза наворачивались слезы – однажды полиция поймала ее, и больше они не виделись. Эмили как-то сразу прониклась к новенькой и «обучала» жизни на улице, ведь побег из дома и пансиона на пару часов или дней не могли считаться за полноценные. Благодаря Эмили Шеннон научилась воровать еду в магазине так, чтобы не засекала камера, хотя чаще всего просто съедала все на месте. Пару раз

охранники ловили воришку, но в карманах ничего не было, и Шен отпускали. Эм хвалила Шеннон за успехи, говорила, что у нее талант. И правда, до того злополучного дня все проходило гладко. Единственный раз она попалась. Шен до сих пор проворачивала в голове все события того дня, вспоминала детали, не понимая, как мужчина смог почувствовать, что его обокрали. Она была осторожна, очень осторожна. Как, впрочем, всегда. Тем удивительнее была неожиданная реакция мужчины, внезапно схватившего ее.

Решив спокойно допить кофе и выйти из кафе, Шеннон оглянулась на дверь, осматривая улицу. И заметила его – незнакомца, который стоял сбоку от входа и сквозь стекло пристально смотрел на нее. Резко отвернувшись, она соскочила со стула и направилась в туалет. Там, недолго думая, влезла на подоконник и, открыв окно, неловко вывалилась из него, попав, разумеется, прямо в бачок с мусором. Отряхивая с себя отходы, неожиданно почувствовала на себе взгляд и повернулась. Вплотную к ней стоял детина с лицом, не обезображенным интеллектом, и ухмылялся. В руке он держал пистолет. Понимая, что бежать ей некуда, Шен подняла ладони.

– Попалась... Ну пошли, красавица. – Мужчина дернул оружием и головой в одном направлении. Видимо, именно туда и надо было идти. Наверняка там машина и второй амбал, которого она видела у входа в кафе. Ситуация была аховая, но Шен казалось, что далеко не безнадежная. Ей бы

только выйти на оживленную улицу, а там уж она что-нибудь придумает.

Неловко вылезая из бака – конечно, мужчина и не соби-рался помогать, – Шеннон специально зацепилась за него ногой, переворачивая. В проулке раздался грохот, отразив-шийся от стен. Им Шен надеялась привлечь внимание работ-ников кафе. Но никто не отреагировал, поэтому она лишь вздохнула и пошла вперед, чувствуя между лопаток металл оружия. Услышав, что у мужчины зазвонил телефон, она чуть замедлила шаг и вся обратилась в слух, пытаясь разо-брать хоть что-то.

– Да босс, я ее нашел. Сбежать хотела. – Последовала па-уза, и Шен услышала, как из трубки донеслись неявные ру-гательства. – Нет, поймал ее, когда в окно туалета вылезала. Мы с Диком так и предполагали, что туда пойдет, больше некуда, вот и... Что? Да она это, че я, фото не видел? Точно говорю – она. Глаза – серо-голубые, волосы... – Шеннон по-чувствовала, как с ее головы сдернули бейсболку. – Остригла она их, патлы какие-то, да еще и грязные. Но явно светлые. В общем, очень похожа.

Да, от длинных волос, которые выдавали в ней девушку, она после того случая с кошельком избавилась. Было жаль, но она понимала, что так надо. Вот если бы сделала это еще раньше, может, и не попалась бы так глупо. Кто знает...

Теперь у нее на голове было то, что ее мама называла «во-ронье гнездо»: неровно обрезанные короткие пряди торчали

во все стороны, а отсутствие расчески и регулярного душа сделало волосы спутанными, грязными и похожими на паклю. Последние несколько дней ей не удавалось найти довольно уединенное место, чтобы помыться.

Поглощенная своими мыслями, Шеннон не заметила, как вышла на перекресток. Лишь упершеся в ее спину дуло напомнило, что она не одна. Осмотревшись и бросив короткий взгляд за спину – ее конвоир что-то быстро печатал в телефоне, – Шеннон выдохнула: сейчас или никогда! И как только резко пригнулась и рванула на проезжую часть, поняла, что совершила ошибку. Она бежала прямо в руки второго детины, который мчался ей наперерез. Сделав последний рывок, она поднырнула под широко расставленные руки и резко ушла в сторону, спрятавшись за стоявшим неподалеку автомобилем. Не ожидая такого маневра, мужчина заозирался, пытаясь понять, куда делась девчонка. Конечно, Шен понимала, что это лишь временная передышка, и все же. Хотя бы ствол перед лицом не маячит. Выглянув из-за капота, она увидела обоих мужчин, которые методично осматривали улицу. Ее найдут, если не предпринять что-то прямо сейчас. Оглядевшись, увидела перед собой, через дорогу, небольшой проулок, который заканчивался забором из сетки. Если она до него доберется, то сможет уйти.

Мужчины тем временем оказались совсем близко. Нужно было что-то делать. Заметив машину, которая ехала на большой скорости, Шен прикинула расстояние и пулей мет-

нулась к автомобилю. Преследователи ринулись следом.

Водитель, отвлекшийся на звонок мобильного, не сразу увидел выскочившую буквально из ниоткуда щуплую фигурку. Едва успев вывернуть руль, он заметил двух мужчин, явно гнавшихся за подростком, которые не среагировали вовремя и налетели на мчавшийся автомобиль. Удар был страшным: машину от столкновения развернуло и выбросило на обочину, но перед этим она успела проехать по остаткам того, что еще пару секунд назад было живыми людьми. Въехав в столб, машина остановилась.

Шеннон, каким-то чудом избежавшая участи преследователей, все же довольно сильно ударилась. Теперь в голове шумело, а на лбу наливалась шишка. Количество адреналина в крови пошло на убыль, и энергия сменилась апатией. А тут еще этот противный звон в ушах, видимо, неслабо приложились. Нетвердо держась на ногах, она все же умудрилась оглянуться на дело рук своих: два искалеченных до неузнаваемости трупа и искореженная машина.

Водитель! Он не двигался, а голова лежала на руле. Наверняка он без сознания, вероятно, тоже головой ударился. Первым порывом было убежать, скрыться, ведь преследователи мертвы и некому навести на ее след. Но в том, что водитель машины пострадал, была ее вина. Поэтому она должна ему помочь. Хотя бы позвонить в службу спасения.

Шатаясь, Шеннон поплелась к разбитому автомобилю. С трудом открыв дверцу со стороны водительского сиденья,

попыталась найти телефон, но безуспешно. Она точно помнила, что за мгновение до аварии мужчина держал в руках мобильник. Видимо, от удара тот завалился куда-то. Теперь, чтобы его отыскать, нужно вытащить водителя наружу.

Ага, легко сказать! В нем не менее ста восьмидесяти фунтов. Единственным выходом было вытащить его на дорогу. Выдохнув и сморгнув пару раз, Шеннон взялась за рукав и воротник мужчины и потянула. Это было все равно, что сдвинуть с места скалу. Он даже не шелохнулся. Тяжело дыша, она наблюдала, как по его лицу течет струйка крови. Она попыталась его потрясти.

– Мистер... Эй, мистер, вы меня слышите? Очнитесь, мистер...

Бесполезно. Шен приложила два пальца к его шее, пытается нащупать пульс. Тот был, хотя и очень слабый. Водителю срочно нужно в больницу. Она вновь принялась тянуть мужчину наружу и почувствовала, что бесчувственное тело стало чуть-чуть поддаваться. С удвоенной силой – не иначе как вновь прилив адреналина – Шеннон дернула мужчину на себя, и в этот момент раздался взрыв. От неожиданности она отпустила руки, и ее отбросило от автомобиля на дорогу прямо на изуродованный труп. Не в силах сдержать отвращения, Шен вскочила и бросилась к машине. Горел багажник, задние стекла вылетели, и она понимала, что это еще не конец. Скорее всего, будет второй взрыв, который превратит водителя в живой факел. Надо его вытаскивать!

Схватив мужчину покрепче, она тянула его и одновременно смотрела на разгоравшийся огонь. Ну же, быстрее! Но что-то мешало вытащить тело. Взглянув вниз, она поняла: удар о столб повредил капот, и какая-то вогнувшаяся внутрь салона железка зажала ногу мужчины. Чуть не плача от обиды, Шеннон рванула воротник, первый раз в жизни желая быть Суперменом или Халком. Перегнувшись через водителя, попыталась отогнуть железку, но та не поддавалась.

Второй взрыв застал Шеннон врасплох. Из-за того, что она крепко держалась за одежду мужчины, ее не отбросило от автомобиля. Но она почувствовала на руках нестерпимый жар, в лицо вонзились осколки, а оторвавшаяся деталь машины ударила ее по голове.

Свет померк. Шеннон рухнула на асфальт, крепко зажав в кулаке оторвавшийся от куртки водителя воротник. Рядом полыхал автомобиль. Она уже не слышала сирен, не видела подъехавших машин скорой помощи и полиции. Не знала и того, что водителя все-таки выбросило взрывом из автомобиля, благодаря чему он остался жив. Не догадывалась, что, несмотря на это, вряд ли он скажет ей спасибо, ведь его руки и лицо были изуродованы огнем.

Глава 3

Очнувшись, она долго не могла понять, где находится. С трудом приоткрыв тяжелые веки, увидела лишь кусочек белой стены и белый потолок. Шея болела, как и лицо, рук она вообще почти не ощущала. Они были тяжелые, словно онемевшие. Рядом раздавался какой-то размеренный писк.

«Я в больнице», – дошло до помутненного сознания, и Шеннон вновь отключилась.

Когда она пришла в себя в следующий раз, глаза открыть было уже проще. В окно пробивались закатные лучи, окрашивая стены в теплые цвета. Кое-как повернув голову, она увидела рядом медсестру, которая приветливо улыбнулась.

– Вы очнулись, мисс, это хорошо. Сейчас я позову врача.

– Подождите. – Голос был хриплым, чужим, а горло болело, словно она проглотила кусок наждачной бумаги. – Тот человек... из машины... Как он?

Медсестра покачала головой, и сердце Шен ухнуло вниз.

– Я не могу вам сказать, простите. – Медсестра вновь улыбнулась. – Я позову врача, – и вышла из палаты.

Ее мучило чувство вины. Она должна была сделать больше для него. Обязана. Что же она за человек такой? От нее одни неприятности. Сначала мама бросила их, потому что не смогла больше выносить жизнь, навязанную отцом. Потом папа отправил ее в частный пансион, потому что она ему

мешала. Затем этот Харридж со своим гнусным шантажом. А дальше... Улица, воровство и практически убийство. Да-а, скатилась она, до самого дна, ниже уже некуда! И куда подевалась добрая милая девочка, которая благовоспитанно опускала глазки в пол и слова поперек не говорила? А ведь ее все любили и в школе, и в пансионе. Что бы сказала милейшая миссис Джеймс, если бы узнала, что натворила ее любимица, лучшая ученица, борец за справедливость...

Злые слезы катились по лицу, но Шеннон не ощущала их до тех пор, пока кожу не защипало. Подняла руку и вытерла их, ощутив, что на щеках и на лбу много пластырей. От осколков, поняла она. Интересно, шрамы останутся?

Но не успела хорошенько обдумать свою мысль, как услышала бодрый, жизнерадостный голос.

– Ну, как мы себя чувствуем? – Молодой, симпатичный афроамериканец смотрел на нее и улыбался. – Я доктор Питер Уильямсон. Рассказывайте.

Его улыбка была открытой и искренней, несмотря на то, что в глазах светилась усталость.

– Неплохо, только горло болит, – прохрипела Шеннон и закашлялась.

– Это от трубки, пройдет через пару дней. Что еще беспокоит? – Врач задавал вопросы, переводя взгляд с нее на приборы, и что-то записывал в карту. – Показатели у вас хорошие.

– Что с моим лицом? И почему я почти не чувствую рук?

– Лицо поранено осколками, но не сильно. Возможно, останется несколько шрамов, но они будут почти незаметны. А вот с руками сложнее. Они пострадали от пожара, кожа обгорела, поэтому мы сделали местную анестезию.

– И насколько сильно они обгорели?

– Ну пользоваться вы ими будете без проблем, а вот на фортепьяно или скрипке играть вряд ли.

– Я не играю, так что плевать. – Горло саднило все сильнее, но Шеннон все же задала вопрос, который недавно адресовала медсестре. – А тот человек, который тоже пострадал в пожаре... Как он?

– Мы не можем сообщать такую информацию, только родственникам. Извините.

– Вы не понимаете... – Шен закрыла глаза и сглотнула ком в горле. – Это я виновата, что он тут. Он попал в аварию, пытаюсь не наехать на меня. Пожалуйста. – Она с мольбой смотрела в глаза врачу, и тот не нашел в себе сил отказать.

– Состояние тяжелое, но мы все надеемся, что выкарабкается. Он молодой, организм сильный.

– А лицо?

Врач покачал головой.

– Потребуется пластика и очень длительная реабилитация. И скорее всего, он не сможет видеть.

– Никогда? – В глазах Шеннон отразился ужас.

– Мне жаль.

– А есть хоть какой-нибудь шанс?

– Знаете, шанс всегда есть. Иногда пациенты выживают вопреки всем прогнозам врачей. – Доктор тяжело вздохнул. – Поправляйтесь. Если все будет хорошо, через неделю мы вас выпишем.

– Выпишем? – Шеннон вскинулась на постели.

– Ну да. О вас уже спрашивали.

– Кто? – Вот тут она не на шутку перепугалась.

– Ваш отец. – Доктор кивнул и вышел, а Шеннон потрясенно откинулась на подушку.

Не может быть! Столько сил потратила на то, чтобы скрыться, и так глупо попалась. Слезы обиды закипели на глазах. Если отец знает, где она, значит, и Харридж тоже. Отец уже обещал этому чудовищу ее руку. И если она не сбежит снова, то ее заставят выйти замуж. Этот извращенец от нее не отвяжется, пока жив. Бежать! Шеннон попыталась встать, но голова закружилась, а приборы неистово запищали.

Через несколько секунд в палату вбежала сестра и попыталась уложить девушку в постель. Та вырывалась и все шептала, что ей надо уйти прямо сейчас, иначе они ее найдут. Сестра подумала, что такое состояние у пациентки из-за пережитого стресса, и сделала укол успокоительного. Шеннон настолько ослабла, что у нее не было сил сопротивляться. Да и лекарство уже начало действовать. Но, даже засыпая, она продолжала бормотать что-то о немедленном побеге.

Через минуту Шеннон затихла и уснула. Сестра поправи-

ла одеяло и вышла. За дверью ее встретил немолодой мужчина довольно представительного вида в дорогом костюме и золотыми часами на запястье.

– Как она? – спросил он, тронув сестру за руку, чтобы привлечь внимание.

– А вы кто? – Кларисса Харрингтон – дежурная сестра – внимательно смотрела на мужчину, ожидая ответа. Выглядел он как и положено обеспеченному человеку, но впечатления обеспокоенного состоянием Шеннон не производил. Да и вообще не внушал доверия. Было что-то жестокое в складке его губ, хищное в выражении лица, а цепкий взгляд, которым он словно ощупывал окружающих, пугал до мурашек.

– Я давний друг семьи. Пришел по просьбе отца мисс Макбрайт. Он сам не очень хорошо себя чувствует, видимо, разволновался, когда сообщили, что Шеннон нашлась. Сердце расшалилось.

Голос был вкрадчивым, и создавалось ощущение, что он играет на публику. Кларисса всегда чувствовала неискренность. Мать говорила, что у нее дар видеть людей насквозь. И вот сейчас медсестра явственно ощущала, что мужчина лжет. А потому ей не хотелось пускать его к пациентке, хотя бы до тех пор, пока не разберется с тем, что происходит.

– Она спит, ей дали болеутоляющее. И сейчас к ней нельзя, она должна отдыхать.

– Она сильно пострадала?

В голосе была заинтересованность, но взгляд оставался

холодным и циничным. Он как будто оценивал вещь для последующей продажи, и поэтому ему было интересно, не сильно ли она потеряла в цене.

«Мерзкий тип», – подумала Кларисса. Общаться становилось все тяжелее.

– У нее порезы на лице, – при этих словах глаза мужчины будто вспыхнули, – обгорели руки. В целом состояние оценивается как удовлетворительное, но из больницы она выйдет нескоро – ей нужен хороший медицинский уход.

– Мы с отцом обеспечим ее всем необходимым, найдем сиделку. В знакомой обстановке ей сразу станет лучше. Как говорится, дома и стены помогают.

– Но...

– Никаких «но», милочка. Как только состояние мисс Макбрайт стабилизируется и ее можно будет перевозить, готовьте к выписке.

Глаза мужчины недобро сверкнули, и Клариссе почудилась в них какая-то плотоядность. Будто хищник готовился напасть на свою жертву.

«Что-то в этой семейке нечисто, не зря, видимо, девушка сбежать хотела». Медсестра аккуратно освободила свою руку из цепкого захвата.

– Я передам доктору ваше пожелание, мистер...

– Харридж, Джонатан Харридж. Буду признателен.

– Мне пора, пациенты ждут. – Кларисса поспешила обратиться подальше от пронизывающего взгляда, но на пол-

пути обернулась: мужчина стоял на том же месте и смотрел ей вслед. Ей стало не по себе, и она зашла в ближайшую палату.

А Джонатан Харридж, наблюдая, как медсестра скрылась за соседней дверью, заглянул к Шеннон. Она спала. Лицо было бледным, под глазами залегли темные круги, волосы, которые раньше красивыми волнами спускались почти до пояса, сейчас были обкромсаны и небрежно торчали в разные стороны. Пластыри отмечали следы порезов, а руки были перебинтованы. Харридж поморщился. «Ну ничего, отмоем, откормим, подлечим... А там уже и совершеннолетие. Немного осталось. Даже если руки до конца не заживут – не беда. Они без надобности. Можно и забинтованными в наручники заковать».

Джонатан прикрыл дверь и довольно потер ладони. Птичка в клетке. Это нужно было отпраздновать.

Глава 4

Открыв глаза в следующий раз, она увидела ненавистное лицо Харриджа в опасной близости от себя. Дернулась, отчего руку, в которую была вставлена игла, пронзила боль.

– Убирайтесь. – Голос все еще был хриплым, каким-то чужим. – Не желаю вас видеть.

– Ну что ж ты так, девочка моя. Не волнуйся, тебе это вредно.

– Я не ваша девочка, – будто выплюнув ему в лицо эти слова, Шеннон отвернулась.

– Это скоро изменится. Ты же знаешь, что не за горами наша свадьба. И то, что ты немного... кхм... пострадала, – Джонатан многозначительно посмотрел на ее руки, – не помешает нам отпраздновать ее с достойным тебя размахом.

– Не хочу я никакого размаха и свадьбы не желаю.

– Твои желания не имеют значения, – прошипел Харридж, вновь наклоняясь к ее лицу. – Я тебя купил, заплатив немалую сумму, и теперь ты моя. Я буду делать с тобой, что захочу.

– Я ничья, я никому не принадлежу, – выкрикнула Шеннон, ее буквально трясло от злости. – И не выйду за вас замуж.

– Выйдешь. Иначе твоему отцу не поздоровится.

Шен похолодела. Да, Уильям Макбрайт не идеальный

отец: он вечно был в работе, когда мама еще жила с ними, и совсем отдалился с ее исчезновением. Годы, проведенные в частном пансионе, не способствовали сближению отца и дочери. После возвращения Шеннон домой ничего не изменилось: Уильям Макбрайт был замкнут, неразговорчив, смотрел сквозь нее, думая о чем-то своем, и, казалось, полностью поглощен работой. Как выяснилось, не ею. А азартными играми, к которым пристрастился в последние годы. Везучим Уильям никогда не был, а вот азартным – да. Поэтому заработанные за десятки лет миллионы спустил очень быстро. Дом был заложен несколько раз, накопилась куча долгов... Именно поэтому отец и пошел на поводу у Харриджа. Тот обещал оплатить все долги, выкупить дом, преподнести его невесте в качестве свадебного подарка, выделить Уильяму неплохое содержание и позаботиться о Шеннон. Девушка не хотела даже думать о том, как Джонатан собирался о ней «позаботиться». Отец не рассказал всего, что знает. Но тот подслушанный разговор словно записался на подкорке. Забыть его при всем желании Шен не могла.

– Что вы сделали с моим отцом? Почему его здесь нет? – До нее, наконец, дошло, что вместо Уильяма столь ненавистный человек пришел не просто так. С отцом что-то случилось! – Отвечайте, черт вас дерит! – По горлу словно прошлись наждачной бумагой, она закашлялась.

– С чего ты взяла, что я с ним что-то сделал, моя дорогая? – Тон Харриджа сменился и сейчас был обманчиво лас-

ковым. – Он просто в последнее время плохо себя чувствует. С тех пор, как ты убежала, он сильно сдал. Каждый день беспокоился о тебе, переживал. Поэтому сейчас просто отдыхает и ждет не дождется, когда его любимая дочь вернется домой. Представь, что будет, если этого не произойдет. Его бедное сердце просто не выдержит. – Последние слова были произнесены все так же тихо и ласково, но с нажимом, от которого в голосе прорезались стальные нотки. – А ты же не хочешь расстраивать папочку, правда, милая?

Шеннон зажмурилась, и слезы невольно выступили на глазах. Намек она поняла: если не вернется домой – отец умрет.

– Нет, не хочу, – прошептала она. – Я вернусь.

– Вот и молодец. – Шеннон почувствовала, как ладонь Джонатана гладит ее по голове, и еле сдержалась, чтобы не сбросить ее. Отвратительное чувство! Рука переместилась с волос на лицо, касаясь пластырей. От нее пахло какими-то духами. Запах был настолько приторно-сладким, что Шеннон скривилась. Она надеялась, что Харридж примет это за гримасу боли.

– Я устала, хочу спать. Уходите, – еле слышно пробормотала она, делая вид, что собирается заснуть.

– Конечно, конечно, милая. Я приду завтра, отдыхай. Передать от тебя привет твоему отцу?

Шеннон только кивнула в ответ, не говоря ни слова. Услышав, как закрылась дверь, она чуть приподняла веки, прове-

ря, действительно ли Джонатан ушел, и, убедившись в этом, дала волю слезам. Плакала она молча, тело сотрясали рыдания, но ни одного звука девушка не издала.

Когда истерика закончилась, она решила, что вернется домой и обязательно найдет способ спасти отца и избавиться от этого гнусного типа.

***

Джонатан сидел в кресле у камина, небрежно крутил в руках стакан с виски и думал о Шеннон. Судя по тому, что она сказала, девочка все поняла. Вот и отлично. Хищная улыбка мгновенно превратила и без того не очень красивое лицо в оскал. Больше она не убежит, понимает, что некуда. Неужели любит своего папочку? Харридж визгливо рассмеялся, а потом стал разглядывать стакан сквозь огонь камина. Блики от языков пламени отражались на поверхности напитка, и казалось, что внутри бокала тоже живет огонь. На лице Джонатана читалось явное удовольствие, когда он сделал глоток янтарной жидкости. Со стороны можно было подумать, что мужчина размышляет о чем-то красивом и прекрасном: деревьях, шелестящих листвой, детях, радостно играющих на площадке или тихо падающем снеге на Рождество. Но если бы кому-то удалось заглянуть в его мысли, то перед глазами предстала бы совершенно другая картина.

***

Уильям Макбрайт сидел в своем кабинете и слышал, как в гостиной внизу смеется Джонатан. Он уже жалел, что со-

гласился на его предложение. Сам же во всем виноват, вот и надо было расхлебывать эту кашу. А он трусливо подставил под удар Шеннон. И теперь дочь должна выйти замуж за это чудовище. Уж Уил-то знал, что слухи о Харридже соответствуют действительности. И на самом деле реальность была даже хуже. Он не просто любил малолеток. Он творил такие вещи, мысли о которых могли прийти только в самый извращенный мозг. Часто тела тех подростков, которым не повезло столкнуться с «добрым дядей Джоном» полиция находила в мусорных баках. Они были изувечены, на запястьях и лодыжках раны от туго стянутых наручников, на лицах – синяки. Харридж не просто заковывал девочек и бил. Он их насиловал, долго и жестоко. Получал удовольствие, когда жертва страдала. И чем больнее было другим, тем приятнее становилось ему. И вот теперь такая судьба ждала Шеннон. Чертов ублюдок! Уил и сам не понимал, с какой стати вдруг согласился на этот брак. Будто пелена была перед глазами. Уже потом, когда сразу после его согласия Джонатан ушел, понял, на что подписался, но было поздно. Харридж поднялся к Шен, а утром она сбежала. И стало не до того. Все мысли были заняты поисками дочери, в которых рьяно принимал участие Джонатан. Уил и не думал, что Шеннон может сбежать. За два месяца он бы нашел выход, что-то придумал. Пошел бы на работу, попросил помощи у друзей...

Уильям в сердцах смахнул все со стола на пол. Бумаги разлетелись по полу, карандаши с ручками рассыпались, но ему

было плевать. Он смотрел лишь на рамку с фото, на котором запечатлелись он, Миранда и Шеннон. Дочке тогда было всего четыре, она весело смеялась, глядя в камеру, Миранда тоже улыбалась, а ее рука лежала на талии Уила. Он же в ответ обнимал своих любимых девочек и целовал Шеннон в макушку. Они были счастливы тогда, что же случилось?

Уил поднял фото с пола. Стекло разбилось, и он смахнул осколки, ласково проводя пальцем по лицам жены и дочери. Когда все изменилось? Почему он этого не заметил? Как допустил, чтобы все зашло так далеко? И главное – какого черта он дал свое согласие на свадьбу? Надо ее отменить! Пусть лучше он станет нищим. А Шеннон? Она тоже? Ведь его девочка привыкла к лучшему. А он все проиграл, абсолютно все. Ему уже не принадлежали ни дом, ни компания... Что же он наделал!

Тяжело опустившись в кресло и все еще сжимая в руках рамку с фото, Уильям уставился невидящим взглядом в стену. Что бы он сейчас ни сделал, это скажется на дочери не лучшим образом. Откажется от свадьбы – и придется им жить на улице, питаться объедками и спать на картоне. Согласится – и неизвестно, какая судьба ожидает дочь. Эх, была не была!

Уильям вскочил и опрометью кинулся вниз. Ворвавшись в гостиную, застал Джонатана сидящим перед камином с бокалом виски. Взгляд у того был умиротворенный, на губах играла улыбка. Видимо, услышав щелчок замка, он обернул-

ся. Выражение удовольствия моментально сменилось на презрение.

– Ты чего-то хотел, Уильям? – немного растягивая слова, будто не желая разговаривать, спросил Джонатан.

– Да, очень даже хотел! Свадьбы не будет! Я забираю назад свое разрешение.

– Поздновато ты опомнился, друг мой. Теперь уже ничего нельзя изменить. Через месяц Шеннон исполняется восемнадцать, свадьба назначена. Ты не можешь сейчас отказаться.

– Могу и сделаю это. Мне плевать, что будет со мной, но Шеннон не выйдет за тебя.

– А что будет с ней, ты подумал? Посмотри на нее. – Харридж сунул Уильяму под нос фото спящей Шеннон, которое он сделал в больнице. Выглядела она не лучшим образом: бледная, осунувшаяся, похудевшая. Слезы навернулись на глаза Уиллу. – А теперь подумай: если за полтора месяца скитаний стала такой, то что с ней будет через полгода? Год? Твоя принцесса станет нищенкой, оборванкой. Потом она подхватит пневмонию, денег у вас не будет, и она умрет от болезни, которую давно научились лечить. Этого ты хочешь? Да и я могу посодействовать тому, чтобы с ней что-то случилось. Это же просто – вколоть что-то в вену, станет спокойной, послушной и немножечко не в себе. Как тебе такой вариант? – Голос Харриджа будто усыплял бдительность, гипнотизируя. Джонатан чувствовал растерянность.

Еще пять минут назад он был уверен, что поступает правильно. Но сейчас, глядя на фото, уже сомневался. А Харридж продолжал свой монолог: – И вообще, Шеннон уже согласилась. Она с нетерпением ждет возвращения домой. – Мужчина обвел рукой помещение.

– Согласилась? – удивленно спросил Макбрайт. – Но...

– Да. Я привел ей неоспоримые аргументы, и она не стала возражать. Сказала, что устала скитаться без гроша в кармане. Она хочет снова покупать красивую одежду, посещать салоны красоты, носить украшения. Ей осточертела жизнь на улице. Скоро она вернется домой и будет готовиться к свадьбе. – Сказав это, Харридж поставил стакан с недопитым виски на столик и направился к выходу. Уже у самой двери он обернулся и бросил: – Ах да, Шеннон передала тебе привет, – и вышел, насвистывая и при этом безбожно фальшивя.

А Уильям, словно отошедший от гипноза, рухнул в кресло, и в голове у него крутилась только одна мысль: как Шеннон могла согласиться?

Глава 5

Пару дней после аварии Шеннон только и делала, что спала. Отец не появлялся, а больше видеть она никого не хотела. Заметила, что приходил Джонатан, но притворялась спящей. К счастью, он только заглядывал, но не будил ее и не задерживался дольше нескольких минут. После его ухода она ощущала, как дышать становится легче. В его присутствии воздух словно густел, не давая вдохнуть полной грудью.

Сестра, понимая, что пациентке неприятно видеть посетителя, старалась выпроводить его быстрее под предлогом каких-нибудь процедур или осмотров. Шеннон лишь прикрывала глаза в знак благодарности – разговаривать не хотелось совершенно, а Кларисса улыбалась и подмигивала. Ей этот тип тоже не нравился, но задавать вопросы она не решалась. В конце концов, это не ее дело. Поэтому она поправляла одеяло, поднимала или опускала шторы, приносила еду, ставила капельницы и выполняла все другие обязанности молча, не представляя, что творится в мыслях у Шеннон.

А та, лежа в бездействии, раз за разом прокручивала в голове слова Джонатана: «Если ты не вернешься, сердце твоего отца просто не выдержит». Она была уверена, что Харридж намекал на смерть Уильяма Макбрайта. И верила, что Джонатан способен на убийство. В его ухмылке ей чудился оскал,

в шепоте – шипение змеи, а визгливый смех напоминал хохот гиены. Ее аж передернуло. Стать его женой, каждый день видеть рядом с собой, терпеть в своей постели... Не о таком будущем она мечтала, возвращаясь домой из пансиона. Ей хотелось тихих вечеров рядом с отцом за обсуждением книг и фильмов. Уютного дома, каждый уголок которого она знала с детства. Теплого молока с печеньем перед сном. Интересной работы и хороших друзей. Веселых походов в горы или выходов на яхте в море. А еще мечтала найти настоящую любовь. Таковую, чтобы с первого взгляда и до гробовой доски. Милого доброго парня, умного, симпатичного, в меру серьезного, в меру беззаботного. Умеющего и посмеяться, и поддержать в трудную минуту. Ласкового, нежного и любящего. Уютного и родного.

Да уж, мечтательница. Папа всегда так говорил. Шеннон крепко зажмурилась, и нечаянная слеза покатилась по щеке. Все мечты прахом. Она знала, что от Харриджа просто так не отделаться. Судя по разговору в библиотеке, он тот еще фрукт. Ну ничего, рук она не опустит. Как говорится, если не можешь идти к своей мечте, то ползи или хотя бы ляг в ее направлении и жди: она тебя найдет. Вот так и надо сделать.

Шен распахнула глаза и недобро ухмыльнулась. Девочек-малолеток, говорите, любит? Будет ему девочка. В платьице и гольфиках. Вот только не стоит доверять внешнему виду, он может быть очень обманчив. И если Джонатан Харридж думает, что может ее сломать, то глубоко заблуж-

дается. Она терпеливая, будет ждать. И однажды сбежит от своего будущего мужа и по совместительству тюремщика. Она рассмеялась.

Кларисса, проходившая мимо двери в палату Шеннон, вдруг услышала заливистый смех и обрадовалась. «Девочка идет на поправку, ну и слава богу», – подумала и, улыбаясь, пошла дальше. Если бы она только знала, какие планы вынашивала в голове лежавшая в палате девушка, то улыбка вряд ли надолго задержалась бы на ее лице. Никак эти планы не вязались с милым созданием на больничной койке.

***

– Как это – вы не можете дать гарантий, что он будет видеть? Да вы знаете, с кем говорите? – Гневный голос разносился по этажу, будто трубный глас архангела. – Да я вашу больницу в порошок сотру! Где начальник? Проводите меня к нему немедленно!

– Мистер Карсон, успокойтесь, пожалуйста. У вашего брата есть все необходимое, за ним осуществляется тщательный уход...

– Я переведу его в другую больницу. – Дэниел Карсон, представительный мужчина лет тридцати пяти, сверкнув дорогими швейцарскими часами, достал телефон и набрал номер. – Питер, – сказал после небольшой паузы, – готовь вертолет, я перевожу Алекса в другую больницу.

– Но, мистер Карсон, этого нельзя делать! Он сильно пострадал, находится в отделении реанимации, и перевозка

только усугубит его состояние.

– Питер, ты меня еще слушаешь? – Пристально глядя на врача, Дэниел продолжил разговор: – Все отменяется. Но вертолет необходим. Нужно привезти сюда доктора Брюса Нейтона. Ты готовь машину, все данные я скину.

– Доктор Нейтон? – Врач благоговейно смотрел на Дэниела. – Тот самый?

– Да, тот самый, – раздраженно бросил Карсон. – Так где у вас тут главный? Мне немедленно нужно с ним поговорить.

– Пойдемте, я провожу.

– Спасибо.

Дэниел шел следом за своим провожатым, который время от времени кидал на него любопытные взгляды. Удивляться было чему – Брюс Нейтон лучший в стране, если не в мире, комбустиолог¹. К нему записывались за полгода минимум. Он брался только за самые сложные или безнадежные случаи, когда ничто другое уже не помогало. И сейчас, услышав, что мистер Карсон собирается вот так запросто привезти сюда доктора Нейтона, который наверняка завален работой, доктор Гилфорд проникся невольным уважением к Дэниелу.

Дойдя до кабинета главного врача, Скотт Гилфорд постучал и отошел в сторону.

– Войдите, – послышалось изнутри, и Дэниел распахнул дверь и выразительно посмотрел на стоявшего рядом вра-

---

¹ Комбустиолог – врач, специализирующийся в ожоговой медицине.

ча. Скотт ступшевался под цепким взглядом и, пробормотав: «Ну, я пойду, у меня осмотр», развернулся и направился к лестнице. Напоследок еще раз обернулся, но в коридоре уже никого не было, а дверь в кабинет главврача – плотно закрыта.

***

Подняв глаза на вошедшего, Найджел Баркли моментально оценил и часы на запястье, и сшитый на заказ костюм, и дорогой кейс в руках.

– Чем могу быть полезен, мистер...

– Дэниел Карсон, президент компании «Карсон технолodge».

– Я слышал о вас, – задумчиво произнес доктор Баркли, пристально всматриваясь в лицо посетителя. Поставив локти на стол, он сложил пальцы пирамидкой. – Присаживайтесь, прошу.

Дэниел опустился в кожаное кресло.

– У вас на лечении... – начал было он, но замолчал, потому что врач перебил его.

– Я знаю, что ваш брат, Александр Карсон находится в ожоговом отделении нашей больницы. Он получил сильные ожоги третьей степени, у него перелом пары ребер, порезы от стекол и поражение роговицы. Разумеется, мне все это известно. Как и то, что состояние его тяжелое, но стабильное.

– Я хотел перевезти его в другую больницу.

– Не советую. Состояние может ухудшиться. Пока он не

пришел в себя, ни за что нельзя ручаться.

– Ставлю вас в известность, что в этом случае намерен вызвать сюда Брюса Нейтона.

– Думаете, он бросит всех своих пациентов ради вашего брата? – Найджел недоверчиво хмыкнул.

– Вас это не должно заботить. Главное, о чем вы должны думать – о состоянии моего брата. – Тон Дэниела был надменным и не терпящим возражений.

– Мистер Карсон, – доктор Баркли резко наклонился к Дэну, – я напоминаю вам о том, что здесь не частное заведение, а государственная больница. И моя задача – думать обо *всех* своих пациентах и заботиться о них одинаково, независимо от того, богаты они или бедны. У вашего брата есть все необходимое, процедуры проводятся в срок и беспокоиться не о чем. Если вы чем-то недовольны, можете на свой страх и риск забрать его отсюда. Но не стоит говорить, что я должен делать, в стенах моей же больницы. – Голос врача, ранее тихий и спокойный, стал угрожающим. – Везите кого хотите, но я все еще главный в этой больнице. Все процедуры осуществляются только с моего разрешения.

Дэниел встал – было понятно, что разговор окончен. Он лишь кивнул врачу и вышел за дверь, еле сдерживая гнев. Да что этот доктор возомнил о себе? Ну ничего, надо дожидаться прибытия Брюса, а дальше он заберет отсюда Алекса и перевезет в частную клинику. Дэн вспомнил толпы народа в холле, кашляющих и харкающих стариков, еле волочащих ноги,

детей и подростков, домохозяек в застиранной и штопаной одежде, бездомных... Алекс явно не получит здесь той помощи, которая ему необходима. Дэн достал телефон и отправил Питеру координаты больницы, где сейчас работал Брюс, а затем набрал его самого.

– Брюс? Это Дэниел. Что? Да, случилось. Алекс попал в беду. Ты срочно нужен. – Дэн все больше нервничал и расплялся и уже даже не слушал, что ему отвечали. – Я понимаю, что у тебя пациенты, но Алекс тебе не чужой, если помнишь. Подробности? Он попал в аварию, машина взорвалась. Множественные ушибы и порезы, пара сломанных ребер, но проблема не в этом. У него ожоги третьей степени, сильно поражены руки и лицо. Особенно глаза. Брюс, они говорят, что он никогда не сможет видеть. – На последней фразе голос Дэна сорвался, и он ее почти прошептал. – Приезжай, пожалуйста. – Помолчав еще пару секунд, продолжил: – Питер вылетит за тобой через час, он готовит вертолет. Значит, к утру вы будете уже здесь. Я тебя жду.

Завершив разговор, Дэниел стал озираться в поисках выхода. Вспомнив, в какую сторону пошел доктор Гилфорд, зашагал туда. И только выйдя на лестницу, наконец, дал волю своей злости. С силой швырнув кейс в стену, отчего тот раскрылся и все содержимое разлетелось в разные стороны, Дэн опустился на ступеньку, нимало не заботясь о состоянии своей одежды. Он не знал, на кого злился больше: на Алекса, который без его ведома взял машину и уехал кататься, на

себя, что не уследил за братом, или на девушку, которая, как ему сказали, и послужила причиной аварии. С ней он еще разберется. Потом. А пока...

Пока что глава корпорации и президент одной из крупнейших компаний страны сидел на лестнице городской больницы. Вокруг него валялись бумаги, рядом лежал покореженный кейс, который вряд ли можно было снова использовать по назначению, ручки и карандаши рассыпались по ступенькам. А сам Дэниел, глядя в одну точку, думал о чем-то своем. Эмоции на его лице сменяли друг друга, и среди них было мало положительных.

Глава 6

Решив хоть ненадолго выйти из палаты, пока не появился Харридж, Шеннон аккуратно спустила ноги с кровати и, накинув халат, выскользнула в коридор. Ей было гораздо лучше, апатия, терзавшая первые дни, пропала. Ведь сейчас все ее мысли были направлены на разработку плана мести. Она продумывала каждый свой шаг, каждое слово, прикидывала в уме различные варианты развития событий, хотела предусмотреть все. Внешне она старалась ничем не выдавать себя, делала вид, что ей все безразлично, а сама пыталась не упустить ни одной детали.

Но сейчас нужно немного передохнуть. Посмотреть на людей, посидеть в коридоре и ни о чем не думать. Поэтому она дошла до лифта и спустилась на первый этаж. Минував длинный коридор, толкнула дверь и оказалась в большом холле. Никто не обращал на нее внимания, все были заняты своими делами. Вокруг сновали люди: врачи, медсестры, пациенты, посетители. Кто-то кричал и звал доктора, кто-то возмущался, что его долго не принимают, плакали дети, а матери их успокаивали... Привычный гомон обычной больницы. По громкой связи какого-то врача звали во вторую операционную, а проходившая мимо сестра скользнула взглядом по Шен, но ничего не сказала.

Шеннон тихонько присела на скамейку. Через сиденье от

нее женщина держала на руках спящего ребенка. Судя по всему, тот был серьезно болен: из горла вырывались хрипы, а на щечках проступил лихорадочный румянец. Мать слегка покачивалась и похлопывала его по спинке. Сама она выглядела усталой. Волосы небрежно заколоты, и пара прядей выбивалась из прически, свисая вдоль лица. Под глазами залегли темные круги, а вокруг рта образовались печальные складки, которые состарили ее на десяток лет разом. Но тут она подняла взгляд, видимо, почувствовав, что ее рассматривают, и виновато улыбнулась. Глаза у женщины были насыщенного серого цвета, серьезные, но с искоркой. Казалось, что улыбка, преобразившая лицо, поднялась и впиталась в радужку, будто подсветив изнутри. И женщина сразу помолодела: стало видно, что она просто устала, возможно, не спала пару дней.

– Заснул вот, – зачем-то пояснила она. – Все капризничал. Мы тут уже несколько часов. – Женщина, видя, что Шеннон неотрывно смотрит на нее, иногда переводя взгляд на ребенка, продолжала: – Я сама не спала уже больше суток. Но не могу себе позволить поспать. Кофе бы выпить, но с ребенком на руках неудобно. – Она говорила так, словно за что-то извинялась.

– Хотите, я подержу? – Шен сама удивилась, что предложила это. Конечно, нельзя было сказать, что она не любила детей, но и особого восторга не испытывала. Относилась к ним скорее равнодушно.

– Нет-нет, спасибо. Не надо, я как-нибудь справлюсь. – Женщина кинула быстрый взгляд на ее перевязанные руки и отвернулась. – Он тяжелый, а вы вон какая маленькая и хрупкая.

– Тогда давайте кофе принесу. Тут автомат поблизости.

– А как же... – Женщина кивнула на повязки. Шеннон в ответ пошевелила пальцами, выглядывавшими из-под бинтов.

– Все будет хорошо, мне даже не больно, правда. – Шеннон ободряюще улыбнулась.

– Н-ну ладно, – неуверенно проговорила женщина, будто еще раздумывая. – У меня все равно нет выбора. Возьмите деньги в кармане. – Она чуть подняла локоть, давая Шеннон возможность достать монеты. – Двойной черный без сахара, пожалуйста.

– Я мигом.

Шеннон развернулась и быстрым шагом направилась к стоявшему в коридоре автомату. Бросив в него монетки, ждала, пока стаканчик наполнится горячей черной жидкостью. Отвлекаясь на то, чтобы забрать сдачу и напиток, не заметила будто появившегося из ниоткуда высокого человека и врезалась в него. Конечно же, кофе пролился прямо на рубашку.

***

Очнувшись от раздумий, Дэниел неверяще окинул взглядом пространство вокруг себя. М-да, не зря отец всегда го-

ворил, что нужно учиться держать себя в руках. Он сгреб все бумаги и зачихнул в кейс, не заботясь о том, что они помнутся. Всегда можно сделать еще копию. Кое-как закрыв дипломат и придерживая его поперек одной рукой, Дэн встал и направился вниз по лестнице. Нестерпимо хотелось кофе: горячего, ароматного, бодрящего и очищающего мысли. Недалеко от входа стоял автомат. Конечно, это не тот напиток, который варила его секретарша Сьюзан. Она умела делать разный: с добавлением корицы, кардамона или мяты по желанию, капучино с высокой пенкой, латте... Но сейчас он не отказался бы даже от растворимого.

Быстро сбежав вниз, Дэн рванул на себя дверь в коридор и направился к автомату с кофе. В этот момент показалось, что раздался голос Брюса, который зовет его, и он оглянулся. Разумеется, померещилось. Знал, что это невозможно, однако ждал приезда Нейтона чуть ли не каждую минуту, хотя должно было пройти еще несколько часов. Но надежда на чудо живет в душе каждого. Сделав еще шаг вперед и одновременно глядя через плечо, он вдруг почувствовал, как кто-то в него врезался на уровне груди и что-то горячее выплеснулось на рубашку.

– Черт, – в сердцах ругнулся Дэн, поворачивая голову и натываясь на испуганный взгляд светло-серых глаз.

– Ой, простите, – залепетала девушка, еще больше тушующаясь.

А Дэниел не верил своим глазам.

– Ты! Шеннон Макбрайт! – Его голос отдавался эхом в коридоре. – Вот ты и попалась! – Он протянул руку и схватил ее чуть выше запястья, а она вскрикнула. Да, руки почти не болели благодаря уколам, но не когда их сжимали, словно клещами.

От ее крика Дэн будто очнулся и опустил взгляд. Ослабил хватку, внимательно осмотрел повязки и взял выше, где бинтов уже не было. Не обращая внимания, что Шен трепыхалась и пыталась высвободиться, тащил ее дальше по коридору, пока не дошел до выхода на лестницу. «Что-то у меня сегодня с лифтами не заладилось», – подумал он, мысленно усмехнувшись, и вытолкнул девушку на лестничную площадку.

Шеннон, глядя на мужчину снизу вверх, размышляла, как он оказался в больнице и с какой стати судьба вновь столкнула их. Она узнала его сразу. Стоило поднять глаза на того, кого облила кофе, как тут же нахлынули воспоминания о том злосчастном бумажнике. И хоть тогда она так ничего и не украла – вернула же, – но не думала, что ее забыли. То, что сделала она, мужчины не прощают. И вот теперь думала, что он предпримет.

Как ни странно, Дэниел размышлял о том же. Все еще не отпуская ее локоть, прикидывал в уме различные варианты наказания. Про воровство он и думать забыл. В конце концов, не такая уж большая сумма была в бумажнике, а карточками воришка все равно бы воспользоваться не смог. Но

удар коленом он помнил очень хорошо. Однако думать о мести сейчас, когда она в больнице и явно нездорова, – как-то неправильно и даже унижительно.

– Что с тобой случилось? – Он кивнул на повязки, и Шеннон замялась.

– В аварию попала.

– Странно. В аварии обычно получают другие травмы. И они у тебя не сломаны. Ожог?

Она лишь кивнула.

– И как же такое вышло? Всего несколько царапин и сильный ожог рук. Так не бывает.

– Бывает, если кому-то помогаешь, а тут вдруг машина взрывается, – пробормотала она. Воспоминания об этом давили на нее.

Дэниел похолодел. Червячок сомнения уже закрался в душу и грыз изнутри.

– Помогала? Кому? – Он напрягся в ожидании ответа, но она молчала. – Говори, кому ты помогала!

– Да какая разница? – Тут Шеннон тоже не выдержала и, вывернувшись из ослабевшего захвата, поднырнула под руку, направляясь к двери. – Чувак в столб врезался, машина загорелась, а я его вытащить пыталась. Вам-то что?

Дэн сжал кулаки так, что костяшки пальцев побелели.

– И что теперь с ним, ты в курсе? – Он задал вопрос, прекрасно зная на него ответ. Он уже не сомневался, что эта самая девчонка послужила причиной аварии, в которой по-

страдал его брат. Это по ее вине Алекс сейчас лежит с ожогами и вероятностью полной слепоты. Но все же спросил, чтобы проверить.

– Я знаю только то, что мне сказали врачи. Он жив, но в реанимации.

– Он не просто в реанимации! Он ослеп! – Дэн повысил голос, отчего Шеннон вжала голову в плечи. Это движение он помнил. Она боялась его тогда, боится и теперь. «Ну и пусть, – думал он. – Видит бог, я бы даже простил ее за тот случай, но теперь...»

– И какое вам до него дело?

– Он мой брат! – Дэниел буквально выкрикнул эти слова и на мгновение отвернулся, не желая выдавать охватившего душу отчаяния.

А Шен застыла статуей, поняв, что теперь он ее точно убьет. Видя, что он отвлекся, юркнула за дверь и пулей помчалась к лифту. Но тут вдруг вспомнила о женщине, которой так и не принесла кофе, и резко остановилась. Денег, чтобы купить второй стаканчик, у нее не было. «Что же делать?»

– А ну стой! – крикнул вдогонку девушке Дэн, совершенно не рассчитывая, что его послушаются, поэтому очень удивился, когда она встала как вкопанная. Что-то здесь было нечисто. Шеннон вдруг развернулась и чуть ли не бегом направилась обратно. Схватив его кейс за ручку, отчего тот вновь чуть не раскрылся, потащила Дэниела по направлению

к холлу, но затормозила у кофейного автомата. Мгновенно он вспомнил о том, что, собственно, пришел сюда именно за кофе.

– Вы, – маленький тонкий указательный палец, выглядывающий из бинтов, уткнулся ему в грудь, прямо в коричневое пятно на рубашке, – должны мне кофе.

От наглости девчонки Дэн опешил. Он настолько растерялся, что вытащил не глядя купюру из бумажника и вручил ей. А Шеннон, деловито понажимав на кнопки и дождавшись напитка, вытащила стаканчик, сунула сдачу ему в руку и направилась в холл.

– Эй, ты куда?

– Мне нужно отнести кофе. Я обещала его женщине, у которой больной ребенок.

Шеннон объясняла все это не оглядываясь. Дэниел же почему-то шел следом. Ему стало любопытно. Видя, что она остановилась рядом с молодой женщиной с младенцем на руках, притормозил и стал наблюдать. Шеннон помогла женщине переложить спящего ребенка на другую руку и аккуратно взять стаканчик, чтобы ненароком не облить младенца. Та и вправду выглядела измученной. Видимо, не спала пару ночей... О чем он думает? У него брат в реанимации, рядом с ним та, что послужила причиной аварии, а он и в ус не дует. Еще полчаса назад он готов был ее убить, а сейчас что? Стоит и смотрит, как она заботится о какой-то незнакомой женщине. А как же Алекс?

В душе боролись противоречивые чувства. С одной стороны, он понимал, что от хорошей жизни от богатого папы не сбегают под мост. Значит, все не так просто. С другой – она бросилась под колеса автомобиля, за рулем которого сидел Алекс, и теперь тот может остаться инвалидом до конца дней. А ведь ему всего двадцать два. Хотя Шен пыталась его спасти. Но если бы не она, он бы не выжил. «Если бы не она, он бы вообще в аварию не попал», – возразил Дэн сам себе и нахмурился. Как лучше поступить, он не знал.

– Шеннон, дорогая, вот ты где! А я тебя везде ищу.

Голос, неожиданно раздавшийся рядом, был ему очень хорошо знаком. Видимо, Шеннон тоже, потому что она повернулась, и Дэн успел заметить отвращение и страх, промелькнувшие в глазах. Неудивительно. Обернувшись, он встретился с пристальным взглядом карих глаз.

– Мистер Карсон. – Джонатан Харридж ележно улыбнулся. – Какими судьбами? – Посмотрев на Шен, он нахмурился. – Вы знакомы?

Перехватив ее взгляд, Дэниел поспешил ответить:

– Только что познакомились. Когда она облила меня кофе.

В глазах Харриджа промелькнули недовольство и злость, но на лице все так же сияла улыбка.

– Ну что же ты, дорогая? И зачем тебе понадобился этот чертов кофе?

Шеннон молчала, лишь смотрела в пол. А женщина с ребенком, видимо, почувствовав, что назревает скандал, ти-

хонько передвинулась подальше.

– И все же, как вы тут оказались? – Джонатан не сводил глаз с Шен, которая лишь плотнее куталась в халатик. – Не мимо же проходили и решили заглянуть, а?

– Нет, не мимо. Мой брат попал в аварию и находится в этой больнице. – Тон Дэна сменился, стал твердым и суровым.

– Какой ужас! Мне так жаль! – Несмотря на сказанное, было заметно, что он ничуть не сожалеет и лишь произносит дежурные слова. – Желаю вашему брату скорейшего выздоровления. Пойдем, дорогая, тебе пора в палату.

– Подождите, мы с Шеннон не договорили. Нам нужно обсудить одно важное дело.

– Какие важные дела у вас могут быть с моей невестой?

При этих словах Шеннон вздрогнула, что не укрылось от Дэна. Сам он был поражен не меньше.

– Вашей невестой?

– Именно. Через месяц наша свадьба. Правда, куколка?

– Да, конечно.

Голос был тихим и не отражал никаких эмоций. Но стоило взглянуть ей в глаза, и можно было увидеть бушевавшее пламя ненависти. Дэниел ее отлично понимал. Хоть никаких доказательств и не было, но слухи о Джонатане Харридже ходили очень неприглядные. А ведь известно, что дыма без огня не бывает. Дэн покачал головой – девчонке не позавидуешь.

– Извините, мистер Карсон, мы вынуждены вас покинуть. Шеннон нужен покой, чтобы быстрее выздороветь. Пойдем, дорогая.

Харридж, обняв девушку за талию, увел ее в сторону лифта. Дэниел проводил их взглядом и тут же подумал, что ему не должно быть до этого никакого дела. Сейчас надо позаботиться о брате. Дэн достал телефон. Питер должен позвонить перед вылетом. Как только Брюс будет готов лететь, он начнет подготовку брата к перевозке.

Глава 7

После ухода Шеннон Дэниел вновь занялся делами. Позвонив Питеру и убедившись, что тот уже вылетел за враном, все-таки направился к кофейному автомату. Отыскав в кармане сдачу, которую ему отдала Шен, забросил монеты в прорезь и ждал готовый напиток, как вдруг краем глаза заметил Харриджа, шедшего к выходу. Лицо его, уже покрытое местами глубокими морщинами, выражало брезгливость и презрение. Он смотрел на окружающих так, словно боялся чем-то от них заразиться. Дэниел поморщился. Конечно, это не частная клиника, обслуживание здесь на порядок хуже, но врачи явно делают, что могут. И такого отношения они не заслужили. В конце концов, если Джонатану так противно, мог бы и не приходить. Дэниел оглядел зал: людей много, но пол был чистым, насколько это возможно, все тихо-мирно сидели на местах, никто не скандалил и не кричал, лишь пара людей надрывно кашляла, и плакали маленькие дети. Вокруг некоторых суетились медсестры. Стандартная больница, ничего, что вызывало бы брезгливость, Дэн не увидел. Женщина, которой Шеннон принесла кофе, сидела теперь в самом дальнем углу. Стаканчика в руках уже не было, ребенок плакал и заходился кашлем, а она безуспешно пыталась его успокоить. Залпом выпив обжигающий кофе – только то, что он был горячим, и примиряло с его вкусом, – Дэн напра-

вился к женщине. Он подошел почти вплотную, но она его не замечала.

– Эм... Извините. – Она подняла на него глаза, в которых были печаль и усталость. – Могу я вам помочь?

– Вы врач? – тихо спросила она.

– Нет, к сожалению.

– Тогда не можете, извините.

Дэниел внимательно посмотрел на нее и вдруг все понял. Аккуратно взяв за локоть, твердо сказал:

– Идемте со мной.

Женщине ничего не оставалось, как последовать за ним, хотя она явно не понимала, чего от нее хотят. Но она так устала, что ей было уже все равно. Крепко прижав к себе ребенка, шла, еле передвигая ноги и шаркая ими, как столетняя старуха.

Подойдя на ресепшен, Дэниел не стал дожидаться, пока на него кто-нибудь обратит внимание, и резко постучал пальцами по стойке. Одна из медсестер, миловидная блондинка с именем «Джоанна» на бейджике, подняла глаза от бумаг, и на лице тут же появилась улыбка.

– Мистер Карсон, чем могу помочь?

– Помочь нужно не мне, а вот этой леди, вернее, ее ребенку.

– Сейчас посмотрим. Ваше имя, пожалуйста? – Медсестра вопросительно взглянула на женщину.

– Мелинда Роквел, – буквально прошелестела та, уставив-

шись на Дэна. Еще бы, кто же не знал одного из самых богатых людей страны. Вот только она и подумать не могла, что когда-нибудь окажется так близко от него, в холле обычной больницы. Потому и не узнала сразу.

– Мисс Роквел, ваша страховка... – начала было сестра, но Дэн ее прервал.

– Счет пришлете мне, – и, не дожидаясь ответа, резко развернулся и зашагал прочь. Джоанна с Мелиндой переглянулись с удивленным видом, а после сестра пожала плечами и принялась оформлять бумаги. Уже через пару минут сына Мелинды осматривал врач, а она сама все смотрела туда, куда ушел Дэниел. У нее не укладывалось в голове, с чего вдруг *такой* человек обратил на нее внимание и помог. Однако она была безмерно благодарна ему и надеялась однажды отплатить добром за добро.

А этот самый человек, выйдя из больницы на улицу, старался отогнать воспоминания и справиться с накотившей тоской.

Дэниел только что вернулся домой с очередного заседания директоров и чувствовал себя выжатым до предела. Он ничего не понимал в управлении компанией. Черт возьми, ему всего девятнадцать. До недавнего времени он лишь учился, гулял с друзьями, отрывался в клубах, пил, целовался – и не только – с девчонками и вообще вел свободную и разгульную жизнь. Повеса и балагур, он был душой любой

компании. Парни постоянно звали на вечеринки, заглядывали в рот, смеялись каждой шутке, а девушки... Ох, уж эти девушки. Любая в университете мечтала с ним переспать. Подруги матери постоянно приходили в гости с дочерьми в надежде, что он ими заинтересуется. Но Дэн считал их слишком чопорными и скучными. Отрываться не любили, в ночные клубы не ходили, предпочитая посещения театров и выставок, пустую болтовню об искусстве и других вещах. То ли дело университетские девчонки – веселые оторвы, готовые на все. Поплавать ночью гольшиом? С удовольствием. Встать в машине с открытым верхом на полной скорости и не упасть на повороте? Без проблем. Переспать с понравившимся парнем, поехав после вечеринки к нему домой или в отель? Да всегда пожалуйста. Вот такие девчонки Дэну нравились, и он частенько пользовался тем, что интересен им. У него не было постоянной девушки. Да и зачем, если каждый день к его услугам любая?

Так бы он и проводил время, веселясь и кувыркаясь с очередной пассией, если бы однажды поздно вечером не раздался звонок и равнодушный мужской голос не сообщил, что его отец, Клеменс Карсон, погиб на охоте, а мать в больнице. Тот момент стал переломным.

На Дэниела буквально обрушились обязанности по управлению огромной компанией. Это была целая империя с дочерними предприятиями, представительствами в других государствах, офисами по всей стране и за рубежом. Конеч-

но, после окончания учебы он планировал работать в компании отца и когда-нибудь принять бразды правления. Но вот так, сразу... Не имея опыта в подобных делах, Дэн не знал, с чего начать; пришлось забросить все, даже университет. Главе корпорации, владеющему контрольным пакетом, не обязательно иметь высшее образование. Ближайший друг отца и по совместительству председатель совета директоров Шон Перкинс лишь покачал головой, увидев растерянность Дэна, и пообещал оказать всестороннюю помощь.

Было тяжело. Ужасно. Неимоверно. Груз ответственности за судьбы тысяч людей давил на плечи. Часто вспоминался миф о Геракле, которому пришлось держать Землю некоторое время. Именно так он себя ощущал.

Но не это беспокоило его больше всего.

Его мать, Лавиния, с трудом оправившись от полученных на охоте ран, замкнулась в себе. Ее ничто не интересовало. Все, чем она раньше с удовольствием занималась, было забыто и заброшено. Благотворительные фонды, которыми руководила, от ее имени пополнял Дэн. Он пару раз спрашивал мать о произошедшем на охоте, но она отрешенно отвечала, что на них кинулся дикий зверь, отца растерзал, ее покалечил. И все это абсолютно равнодушным тоном, будто не о смерти говорила, а курсы валют зачитывала. И Дэн был вынужден оставить ее в покое.

Даже малолетний сын Лавинию Карсон не интересовал.

Дэну пришлось заниматься и им. Шестилетнему ребенку сложно было объяснить, почему папа больше не вернется, а мама к нему почти не заходит. Почему он теперь почти все время проводит с нянями, ибо Дэн занят в офисе с утра и до вечера. Нет, он, конечно, любил младшего брата и старался уделять ему все свободное время, но времени этого оставалось все меньше и меньше.

Но в последние дни Лавиния будто стала приходить в себя. В глазах появился какой-то блеск, она даже вчера читала Алексу сказку на ночь. Дэниел был рад этому обстоятельству. Надеялся, что со временем мать преодолет все трудности, и если не забудет произошедшее, то хотя бы примирится с ним.

И вот час назад позвонила няня и попросила отпустить. Сказала, что миссис Карсон решила сама уложить Алекса и отослала ее. Но поскольку нанимателем являлся Дэн, пришлось звонить ему. Разумеется, Дэниел был не против. Он разрешил няне уйти и сам поспешил домой. Однако задержался: позвонил Шон и сказал, что в офисе остались важные бумаги. Пришлось возвращаться, благо уехал недалеко. Но потратил лишних полчаса.

Но наконец он дома. Бросил кейс с бумагами на диван, скинул пиджак, надоевший до чертиков, ослабил узел галстука, а затем и вовсе снял его и швырнул не глядя на кресло. Поднялся в комнату Алекса и приоткрыл дверь. Мальчик спал при свете ночника. Волосы были растрепаны, и Дэн усмех-

нулся: стоило больших трудов усмирить эту буйную шевелюру. И он уже собирался закрыть дверь, но его насторожил странный звук. Прислушавшись, решительно зашел в комнату и обогнул кровать, взглядываясь в лицо брата.

Так и есть. На лбу испарина, волосы слиплись в сосульки, рот приоткрыт, из него вырываются хрипы. Дэн потрогал лоб – горячий! Попробовал разбудить брата и тихонько дотронулся до его плеча, чтобы не напугать. Тот не проснулся. Тогда Дэн принялся трясти брата сильнее.

– Алекс, Алекс! Ты слышишь меня? Ответь, Алекс!

Но мальчик только беспомощно болтался в его руках, закатив глаза. Иногда будто силился проснуться, мычал, но не просыпался.

– Алекс!

Схватив брата в охапку, на ходу сдернул плед с кресла и завернул в него дрожащее тело. Дэну не было дела до того, где сейчас мать, чем занята и почему не заметила, что Алекс болен. Крепко прижимая горящее в лихорадке тело к себе и перескакивая через три ступеньки, Дэн выскочил на улицу, аккуратно уложил мальчика на заднее сиденье, кое-как пристегнув ремнями, и, взвизгнув тормозами, вылетел на дорогу, едва поднялись ворота. Как он доехал до ближайшей больницы – Дэниел не помнил. Он вел машину на автопилоте, думая только о брате. Шепотом прося того потерпеть и уверяя – скорее, себя – в том, что все будет хорошо, проскакивал перекрестки на желтый сигнал, резко завоора-

чивал, не включив поворотник... Он даже не думал о том, что может попасть в аварию. В голове билась только одна мысль – Алексу плохо, ему надо в больницу.

Влетев в приемный покой с братом на руках, бросился к медсестре.

– Мальчику плохо, помогите!

Тут же рядом материализовался врач, потребовавший каталку и кабинет для осмотра. Дэна не пустили, попросив подождать в коридоре. Та ночь была самой длинной в его жизни...

...До этого момента. Эта ночь наверняка будет длиннее.

Глава 8

В ожидании Брюса прошло несколько часов. Дэн не мог сидеть на одном месте, ходил по коридору, постоянно пил кофе, который, казалось, скоро из ушей польется. Болела голова, глаза слипались, но он не уходил, хотя прекрасно понимал, что ничем Алексу помочь не сможет. Он мог только ждать. Но оставлять брата сейчас не хотелось. Алекс был единственным, кто у него остался. Почти единственным. Мать, которая в последние годы жила в пансионе для душевнобольных, Дэн уже давно не брал в расчет.

В течение последних десяти лет он безуспешно пытался выяснить, что произошло в тот день, когда погиб отец. Сначала довольствовался словами матери, но потом стал подозревать неладное. Спрашивать было бесполезно: после того случая с маленьким Алексом она все больше замыкалась, разговаривала сама с собой или с погибшим мужем и вообще производила впечатление не совсем здорового человека. Врачи были убеждены, что у Лавинии началась деменция. И Дэну пришлось подыскать для нее соответствующее учреждение. В первое время он навещал мать часто, разговаривал. Но она принимала его за мужа, спрашивала, взял ли он ружье и знает ли, как стрелять. А после принималась хотать и плакать одновременно, выкрикивая угрозы в адрес какого-то Джона. «Это ты во всем виноват, Джон! Ты! Ты

зверь, самый настоящий. Это тебя надо было убить! Ты не заслуживаешь права жить!» Она кричала это снова и снова. В конце концов лечащий врач пришел к выводу, что Дэну не надо приходить. В одиночестве она вела себя спокойно, слушала музыку, напевала и улыбалась. Дэниел с облегчением согласился с решением врача. Ему было не по себе от того, какой стала мать. Той нежной, любящей, ласковой женщины, которая никогда не унывала, больше не было. Она умерла вместе с отцом. Осталась лишь оболочка, любить которую у Дэна не получалось. Он решил сохранить воспоминания о той Лавинии Карсон, которая была раньше, и не омрачать их. Поэтому счета из клиники оплачивались, Дэн регулярно созванивался с врачом, но сам давно там не бывал. Да и Алекс, практически выросший без матери, не очень в ней нуждался. Всех такое положение дел устраивало. Лавиния жила в пансионе, разговаривала с бабочками, а Дэниел занимался проблемами компании.

И лишь в последнюю пару лет он начал подозревать, что со смертью отца не все так просто. Документы подтверждали то, что всем известно: Клеменс Карсон умер от обширного кровотечения, была повреждена яремная вена. Кроме того, на теле обнаружено много укусов, рваная рана на бедре и несколько переломов. И все же Дэниела что-то смущало. Он не мог точно описать свои чувства. Просто интуиция. А ее в качестве доказательства не принял бы никакой суд. И ни один судья на основании интуиции не дал бы ордера на

эксгумацию тела отца. Но одно Дэн знал точно: любой документ можно подделать.

Поэтому год назад, не добившись успеха самостоятельно, он нанял частного детектива. Марк Леруа был его старинным другом, которому Дэн доверял. За это время Марк нашел много интересного, но ничего, что касалось бы той злосчастной охоты. Однако ни один из них не собирался сдаваться: раз есть вопросы, ответы тоже должны быть. И Марк продолжал копать. Получив от Дэниела карт-бланш и практически неограниченные средства, он добыл кучу сведений. Благодаря ему Дэн узнал о махинациях в фирме, уволил несколько человек, тем самым сохранил миллионы долларов, утекавшие в карманы нечистых на руку сотрудников. Так что польза от детектива была ощутимая. Тот рьяно взялся за все странное, потихоньку подбираясь к главному. Дэн чувствовал, что Марк вот-вот наткнется на что-то по-настоящему важное, и не мешал, наоборот, старался всячески помочь. Перед тем как Дэну сообщили об аварии, в которой пострадал Алекс, он как раз сидел над документами отца, пытаясь сложить картинку воедино. Что-то в них не давало покоя. Он стал замечать нестыковки. Какие-то странные счета, немалые суммы, которые куда-то исчезали. Какая-то мысль билась в сознании, но он никак не мог ее ухватить, постоянно что-то отвлекало.

Вот и сейчас, стоило прикрыть глаза и вновь задуматься об этом, как он услышал знакомый голос и вскочил.

– Брюс!

Заметив шедшего по коридору невысокого крепкого мужчину весьма своеобразной внешности, Дэн быстрым шагом направился навстречу. Комбустиолог уже смотрел карту Алекса, хмуря брови. Услышав, что его назвали по имени, поднял голову и встретился взглядом с Дэниелом.

– Привет, Дэн! Я прочитал карту, но нужно осмотреть самого Алекса.

– Врачи сказали, что он никогда не сможет видеть. Я не верю им. Но тебе поверю. Скажи, надежда есть?

– Слушай, ну как я могу делать прогнозы, не осмотрев пациента? – Он кивнул медсестре, и та, уже зная, кто это, быстро принесла халат и маску. Облачаясь на ходу, Брюс шагнул в палату реанимации, а Дэниел остался снаружи. Он наблюдал, как лучший врач в своей области внимательно взглянул на показания приборов, сделал пометки, а потом наклонился над Алексом. Чем в этот момент Брюс занимался, мало интересовало Дэна. Главное – что он скажет. И с нетерпением ждал вердикта.

Выйдя из палаты, Нейтон первым делом стянул маску и выдохнул.

– Ненавижу маски, они меня душат. – Увидев укоризненный взгляд, поднял руки в примиряющем жесте. – О'кей, о'кей. Итак, на данный момент я могу сказать только одно – ему требуется операция и как можно скорее. Налицо повреждение сетчатки. Остальное заживет, времени потребуется

много, и, вероятнее всего, нужна будет пластика, но ожоги не смертельные, хотя и выглядят страшно. Да, останутся шрамы, но они украшают...

– Брюс, мне плевать на шрамы. Главное – будет ли он видеть.

– К сожалению, – врач развел руками, – это станет известно лишь после операции. И то не сразу. Возможно, зрение восстановится частично, возможно, полностью... Но не стоит исключать вариант, что ничего не произойдет. И к этому тоже надо быть готовым. И тебе, и ему.

Дэн сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев. Сейчас он готов был ударить любого, кто сказал бы что-то подобное. Но Брюс знал, что ему Дэн вреда не причинит. Иначе кто будет лечить Алекса?

– Ты должен сам провести операцию! – Дэниел сказал это тоном, не терпящим возражений.

– Разумеется. Ведь Алекс – мой крестник. Это моя обязанность. Я обещал твоему отцу позаботиться о вас. И мне почему-то кажется, что тебе помощь сейчас нужна больше, чем Алексу...

– Вот только не начинай, ладно? Думай о нем. – Дэн кивнул на лежащего в палате брата. – О себе я сам позабочусь.

– Хорошо. Но для начала тебе надо поспать. Сколько ты уже на ногах? Двое суток? Судя по твоему виду, не меньше.

– Отстань, ты мне не папочка, – огрызнулся Дэн и отвернулся от врача, пытаясь успокоиться. – Мне сейчас не до от-

дыха, у меня брат в реанимации.

– Да ладно, расслабься, – Брюс хлопнул его по плечу, – подлатаем мы твоего братца, будет как новенький. Готовь его к перевозке в мой центр, а сам – спать! – Голос врача был строгим.

– Как новенький, говоришь? Твоими бы устами... – Дэн ворчал, но все же от сердца немного отлегло. Если Брюс говорит, что шансы есть, значит, надо сделать все, чтобы Алекс снова мог видеть. Позвонив куда следует, вызвав медицинский вертолет для перевозки Алекса, он наконец позволил себе немного расслабиться. Не все еще потеряно. За брата он будет сражаться всеми средствами. И вместе они победят. Должны победить. Судьба – в бога Дэниел уже давно не верил – не может быть столь жестокой.

Забрав карту у Брюса, который быстрым шагом направлялся к выходу, он мельком взглянул на диагноз и вновь поморщился. Он ровным счетом ничего не понимал в медицинских терминах, однако Брюс уже успел популярно объяснить ему основное. Дэн невесело усмехнулся и подошел к стойке регистрации. Нужно было оформить перевод Алекса, сейчас не до размышлений о превратностях судьбы и медицинских терминах...

***

– Кларисса, а почему у меня в палате нет телефона?

Шеннон будто только сейчас заметила этот факт. Она хотела позвонить домой и узнать, как там отец. Харриджу она

не очень верила и хотела убедиться, что тот все еще жив. Этот монстр мог и соврать.

– Не знаю, мисс Макбрайт, мистер Харридж сказал, что нельзя вас беспокоить и запретил его устанавливать.

– Что?! Да как он... Это же черт знает что! Немедленно установите! – Невольно сорвавшись на крик, Шен опомнилась и виновато взглянула на медсестру. – Пожалуйста. Отец болен, мне надо ему позвонить.

Но Кларисса лишь покачала головой.

– К сожалению, я ничего не могу сделать, мисс. Это распоряжение главного врача. – Посмотрев на поникшие плечи пациентки и потерянный взгляд, добавила: – Но в холле есть телефон-автомат.

– У меня нет на него денег. – Шеннон покачала головой – все ее вещи Харридж забрал с собой. Ни телефона, ни кошелька, ничего.

– Ну уж пару монеток я смогу вам подкинуть. – Медсестра подмигнула и улыбнулась, а Шен благодарно кивнула.

– Спасибо, я все верну...

– Да перестаньте. Родители – это святое. Мама с папой, наверное, переживают за вас.

– Моя мама... – Шеннон с трудом смогла сглотнуть вставший в горле ком. – Она умерла много лет назад. Я была еще маленькой.

– Простите, мне жаль. – Печаль в голосе была искренней.

– Ничего. —

Шен через силу улыбнулась, и Кларисса, поправив одеяло и прошептав: «Я скоро вернусь», вышла из палаты. Улыбка еще долго не сходила с лица Шеннон. Теперь у нее была возможность поговорить с отцом и все выяснить.

Глава 9

В ожидании перерыва Кларисса положила в карман пару кварталов² для Шеннон, чтобы та смогла позвонить домой. Девушке не позавидуешь: мистер Харридж был очень неприятным типом. Медсестре он не просто не нравился, а вызывал чувство отвращения и необъяснимого страха. Он напоминал Табаки, но был куда хитрее. И опаснее. Когда он смотрел на нее, казалось, что не только заглядывает внутрь, но и выворачивает наружу, ощупывая холодными, скользкими пальцами. Каждый раз передергивало, когда взгляд этого человека останавливался на ней. Хотелось умыться. А еще Клариссе не нравилось то, как он смотрел на Шеннон и других молоденьких девушек. Взгляд был одновременно сальным и жестоким. И когда она узнала, что Харридж – жених Шеннон, девушку стало искренне жаль. Не верилось, что подобный тип способен на любовь и нежность.

Шеннон была сама не своя в ожидании медсестры. Она ходила туда-сюда по палате, грызла ногти и думала. Об отце, давно умершей матери, о парне, попавшем из-за нее в реанимацию. О том, что было бы, если бы она не сбежала, а покорно вышла замуж за Джонатана. Отец бы не заболел, парнишка – не попал в больницу... Всем было бы лучше. Кроме

---

² Квартер – монета в двадцать пять центов, используется в телефонах-автоматах.

нее. Что стало бы с ней? Не давала покоя фраза, услышанная в тот роковой день от отца: «За тобой тянется шлейф из слухов и домыслов». Будучи в пансионе, она не интересовалась жизнью светского общества: ей претили снобизм и чопорность, присущие сильным мира сего. Поэтому и не знала, что за слухи роились вокруг ее жениха. И спросить тоже не у кого. Подруг у нее не было: общению Шеннон предпочитала книги. В отличие от людей, они никогда не предавали, не причиняли боль, не бросали. Она часто вспоминала, как мама читала ей перед сном.

– Мам, а ты сегодня считаешь мне про Пенни? – Маленькая Шен посмотрела на маму.

– Уже поздно, пора спать.

В глазах дочери не было и намек на сон.

– Мам, ну немножко, совсем чуточку. – Девочка сложила вместе большой и указательный пальцы, оставив между ними меньше дюйма. – Во-о-от столечко.

Миранда с сомнением посмотрела на часы: было действительно поздно, но она не могла устоять, когда Шен так на нее смотрела.

– Ну ладно. – Она улыбнулась и пошла за книгой, а девочка откинула одеяло и юркнула в постель. Миранда вернулась, прилегла рядом с дочерью и открыла книгу.

«Тем временем они вышли на кухню, и Пенни заорала: «Здесь будут печь блины! Здесь будут жарить блины! Здесь

будут кормить вкусными блинами!» И, схватив три яйца, она подбросила их высоко в воздух. Одно яйцо свалилось ей на голову и разбилось, а желток потек прямо на глаза. Два же других яйца она ловко поймала в кастрюльку, где они и разбились. «Я всегда слышала, что желтком хорошо мыть волосы, – сказала Пеппи и вытерла глаза. – Вот увидите, они сейчас начнут расти так, что только треск пойдет!»

Рассказывая все это, Пеппи умело выгребала пальцем яичную скорлупу из кастрюльки. Потом, взяв банную щетку, висевшую на стене, она стала взбивать ею жидкое тесто, да так, что только брызги по стенам полетели. Затем она вылила все, что осталось в кастрюлке, на сковородку, стоявшую на плите. Когда блин подрумянился с одной стороны, она подбросила его на сковородке чуть ли не до самого потолка, при этом блин перевернулся в воздухе. Но Пеппи тут же снова поймала его сковородкой. И когда блин был готов, она швырнула его наискосок через всю кухню, прямо на тарелку, стоявшую на столе».

– Мама, мама, – Шен захлопала в ладоши, – а ты научишь меня печь, как Пеппи? Я хочу, как она, подбрасывать блинчики. – Девочка взяла воображаемую сковородку и подкинула, а затем ловко поймала вымышленный блинчик. Раздался смех. Миранда и сама не могла не улыбнуться, глядя, как дурачится дочь. – Так научишь, мам?

– Я и сама так не умею. Но верю, что ты сможешь научиться и без моей помощи. – Она поцеловала девочку в

люб. – А теперь – спать.

– Хорошо, мамуля. Спокойной ночи. – Шен повернулась на бок и натянула одеяло до самого подбородка.

– И тебе спокойной ночи, детка.

Миранда оставила ночник, выключила верхний свет и вышла из комнаты, прикрыв дверь.

Воспоминания о матери были настолько яркими, что Шеннон казалось, будто все это произошло вчера. Она сердито вытерла слезы. Мамы давно нет, остался только отец. Она была зла за то, что он выбрал для нее такую судьбу, даже не посоветовавшись. Разум говорил, что отец был неправ, нужно отказаться от свадьбы, что бы ни случилось, но сердцем она понимала, что Уильям – единственный оставшийся у нее родной человек. И несмотря ни на что, она его любила. Больше никого не было: бабушки и дедушки умерли еще раньше матери, других детей она не захотела, отдав всю свою любовь единственной дочери. И вот сейчас Шен практически одна.

Девушка обернулась на звук открывающейся двери. Кларисса, улыбнувшись, вошла и положила пару монет на тумбочку.

– Приятного разговора. Надеюсь, что у твоего отца все в порядке. – Медсестра кивнула ей и вышла.

– Я тоже на это надеюсь, – чуть слышно прошептала Шеннон, подходя к тумбочке. Она сгребла монеты и сунула их в

карман халата. Потуже запахнув его, вышла из палаты и направилась вниз.

В холле ничего не изменилось: было все так же шумно и многолюдно. Шеннон прошла на другую сторону, обойдя группу обсуждавших что-то молодых врачей. Телефон-автомат смотрел на нее со стены. Зажав монеты в руке, выдохнула и на секунду прикрыла глаза. Она волновалась. Что скажет отец? Как он себя чувствует? Сможет ли ее навестить? Задаваясь этими вопросами, она опустила квартал в прорезь и набрала номер. В ответ послышались длинные гудки, но никто не подходил. Она уже хотела прервать звонок, как вдруг услышала отклик.

– Алло! Отвечайте, черт вас побери...

От неожиданности Шен чуть не выронила трубку. Хриплый баритон был незнакомым. И неприятным. Грубым. Высокомерным. От него веяло холодом и какой-то обреченностью.

– Кто это? – Она не узнала собственного голоса.

– А вы кто? Что вам нужно?

– А где миссис Диккенс? – Энни Диккенс уже много лет служила у них экономкой и всегда сама брала трубку.

– Какое вам дело?

– Это дом Макбрайтов? – Шеннон начала сомневаться, что попала туда, куда нужно.

– Именно так.

– Тогда позовите к телефону моего отца, кем бы вы ни

были. Немедленно. – В голосе прорезались властные нотки. В ответ она услышала смех.

– Так это малютка Шеннон! Эй, Джонни, тут твоя нареченная звонит. – Незнакомец продолжал смеяться, а потом в трубке раздался визгливый фальцет Харриджа.

– Шеннон? Ты... откуда? Где ты? – Голос был удивленным, словно она внезапно возникла на пороге.

– Я в больнице. А вот что вы делаете в моем доме? Кто снял трубку? Где Энни и мой отец?

– Ой-ой, сколько вопросов. погоди, успокойся. Твой отец спит – ему нужно больше отдыхать после сердечного приступа. Я пришел проверить, все ли нормально. В конце концов, это теперь и мой дом тоже, ты не забыла? А трубку снял мой... кузен Кристофер. – Харридж чуть запнулся, словно сомневаясь в имени.

– Где Энни? Почему она не подошла?

– Она... Миссис Диккенс уволилась. У нее сдали нервы из-за твоего побега и болезни Уильяма. Со вчерашнего дня она здесь больше не работает.

– Но... – Шеннон начала было возражать, но поняла, что это бессмысленно. Лучше она спросит у папы. – Когда я смогу поговорить с отцом?

– Он очень слаб, почти все время спит, это ему на пользу. – Голос Джонатана был пустым и равнодушным. – Вот вернешься домой, и поговорите. А сейчас иди в палату, Шеннон. Тебе тоже не помешает больше отдыхать. Ведь скоро бу-

дет не до этого. Свадьба на носу. Все-все, иди. Кузен, попросишься с Шеннон, она идет отдыхать.

– Пока, Шен. – Тон Криса был дурашливым.

В трубке очень внезапно раздались короткие гудки, и Шен замерла. Харридж сказал, что отец спит. Но, может, это неправда? Может, позвонить папе на сотовый?

Рассудив, что хуже не будет, бросила второй квартал в прорезь и набрала номер отцовского мобильного. «Абонент временно недоступен». Она повесила трубку и забрала выкатившуюся обратно монетку. Уже отойдя на пару шагов от телефона, вдруг развернулась и решительно набрала номер Энни, скормив жадному автомату кусочек металла. Длинные гудки. Два. Пять. Семь. И вдруг знакомый голос. Шен чуть не заплакала.

– Энни? Это Шеннон. Ты меня слышишь?

– Шен? Девочка моя, как ты? Где ты?

– Все хорошо. Я в больнице.

– Как все может быть хорошо, если ты в больнице? Мистер Харридж сказал, что к тебе никого не пускают.

Шен недоуменно нахмурилась.

– Неправда. – У нее зародились нехорошие подозрения. – Что он рассказал?

– Что у тебя травма головы, ты все время спишь и беспокоить тебя нельзя.

– Нет у меня никакой травмы, только ожоги на руках и все. Он соврал. – Настало время главного вопроса. – А как

там мой отец? Харриджу я не верю.

– Ох, деточка... Мистер Уильям очень сдал за последнее время. Как будто пропал стимул жить. Почти не выходит из своей комнаты, весь какой-то угасший. И сразу постарел. Прости, Шен, я не хотела тебе это говорить, но...

– Ничего, Энни, все нормально. Харридж упоминал про сердечный приступ, что отцу очень плохо, и он постоянно спит.

– Не было никакого приступа. Но он и правда много спит. Мне кажется, что... – Энн замолчала.

– Что? Не молчи, пожалуйста.

– Это... не телефонный разговор, деточка. Давай я приду к тебе, и мы все обсудим.

– Конечно. Я в больнице Святого Стефана. Приходи завтра.

– Я приду утром, в одиннадцать.

– Хорошо, буду ждать. До завтра, Энни.

– До завтра, детка.

Шеннон повесила трубку и задумалась. Что такого важного хотела сказать бывшая экономка? Судя по голосу, та чего-то боялась. У Шен даже были предположения, чего именно. Она поежилась, запахнула на груди халат и побрела в палату. Было о чем подумать.

Глава 10

В ожидании Энни Шеннон не находила себе места. Заняться было нечем, телефон у нее отобрали, поэтому приходилось либо слоняться по коридорам больницы, либо пялиться в экран телевизора. Второе быстро надоело: ничего интересного она там не нашла, в новостях про них с отцом даже не упоминали, так что смотреть было нечего. Поэтому все свободное от процедур и осмотров время она проводила в холле больницы. Ей нравилось наблюдать за людьми издаleка. Врачи и медсестры выполняли свою работу, а пациенты... Проще было сказать, чего они *не делали*: смеялись и плакали, кричали на сотрудников и тихо сидели, забившись в уголок, жаловались и ныли, устало ждали своей очереди, кто-то кричал от боли. Некоторые даже умудрялись спать в таком шуме.

Ее внимание привлекла суeta у двери. Шен посмотрела туда и увидела носилки с лежавшим на них человеком. Во рту трубка, одежда вся в крови, вокруг суетились медсестры, слышны крики: «Готовьте вторую операционную», «Адреналин, быстро»... Каталка пронеслась мимо, чуть не сбив с ног, но она успела вовремя отскочить. Интересно, что случилось с этим человеком? Похоже на автомобильную аварию, но уверенности не было.

– Вот ты где!

Позади раздался знакомый голос, и она обернулась. Теперь уже бывшая экономка стояла, протягивая руки, и Шен бросилась в раскрытые объятия.

– Энни! Я так рада тебя видеть!

– Я тоже, деточка, – срывающимся голосом прошептала женщина, поглаживая ее по волосам. – Как ты тут? Дай посмотреть на тебя. – Она отодвинула Шеннон и осмотрела в головы до ног, задержав взгляд на руках. – Ну как же так, а?

– Да это ничего, Нэн. – Шен улыбнулась. – Заживет все, и следа не останется. Ты лучше расскажи, как там отец.

Экономка нервно оглянулась. Шеннон, заметив это, потянула ее к лифту. Поднявшись, они обе зашли в палату и плотно закрыли дверь. Сев в кресло, Энн стала рассказывать.

– Как только ты пропала, мистер Уильям стал сам не свой. И заправлял всем этот гнусный тип, мистер Харридж. – Экономка дернула плечами, будто от омерзения, и продолжила: – Половину слуг уволил сразу. Собрал всех и заявил, что теперь он хозяин дома. За месяц выгнал всех, кроме меня и садовника. А потом привел своих людей.

– А за что он их уволил? – Шен помнила слуг как абсолютно преданных, честных людей.

– Так за верность мистеру Уильяму. Подчиняться этой змее подколодной никто не хотел, вот он и злился.

– А что папа? Неужели даже не защитил никого? Ведь вы все долгие годы у нас работали.

Экономка вдохнула и отвела взгляд, а Шен напряглась.

– Энни, что случилось с папой? – В голосе были слышны слезы. Несмотря ни на что, она отца любила.

– Он почти из комнаты не выходит. Запил он, по-черному. Я его последний раз таким видела, когда мама твоя, помилуй, господи, ее душу, пропала. – Экономка приложила платочек к глазам.

– А я не помню, что он тогда пил. – Шен нахмурилась.

– Так ведь ты совсем малышкой была, тебе никто и не говорил. Сказали, что папа очень занят, работает – ты и поверила. Незачем ребенку такие подробности знать. А сейчас... Боюсь я за него, детка. – Голос Энни снизился до шепота. – Он из комнаты не выходит, почти не ест, ему слуги эти, пришлые, только бутылки из погреба таскают. И видеть он никого не хочет. Когда я еду приносила, даже внимания на меня не обратил. Сидел, уставившись в одну точку, и к бутылке прикладывался. И так каждый день. Я его разговорить пыталась, так он только посмотрел мутным взглядом и отвернулся. Ну я сдуру и пошла к поганцу этому, мистеру Харриджу. Опасения высказала. Мол, сердце ведь может не выдержать, надо что-то делать. А тот улыбнулся недобро и сказал, что позаботится об этом. Вот и позаботился. Наутро вызвал меня, сунул конверт и сказал, что я больше в этом доме не работаю. И на сборы дал два часа. А куда мне идти? Так и спросила у него. Он лишь рассмеялся и ответил, что его это не касается. Он мне денег дает, и я могу отправляться куда душе угодно, хоть к черту на рога. Еще и пригрозил, ес-

ли кому-нибудь расскажу о том, что в доме творится, то мне не поздоровится. А когда я уходила, появился этот «кузен», как Харридж его назвал.

– Кристофер?

– Он самый.

– Расскажи о нем. – Шен вдруг стало любопытно.

– Да нечего рассказывать. Я видела-то его пару минут, пока такси ждала. Приехал на дорогой машине, весь такой из себя важный, в костюме, а глазами так и зыркает. И взгляд такой тяжелый, нехороший. Увидел меня и улыбнулся. А улыбка фальшивая насквозь. Чует мое сердце, неспроста он объявился. А ты его откуда знаешь? – Энни внезапно прищурилась и внимательно посмотрела на Шеннон.

– Да не знаю я его, – возмутилась та. – Вчера пыталась до отца дозвониться, так этот Крис трубку взял, а потом отдал Харриджу. Тот и представил его как кузена.

– Держись от него подальше, детка. Нехороший он человек. Еще похуже Харриджа. Тот на крыльцо встречать вышел, увидел меня и крикнул: «Ты еще здесь? А ну проваливай!» А кузен этот оскалился – иначе и не назвать – и бровь одну приподнял, словно говоря: «Не слышала, что сказано?» Пришлось мне за воротами такси ждать.

– И где же ты теперь?

– Ну пока в гостинице, а потом... – Экономка заплакала. – Даже не представляю. Денег надолго не хватит, дочь у меня непутевая, сама знаешь. Я даже представления не имею,

где она может быть. Наверняка с какими-нибудь очередными рокерами по стране ездит. А кроме нее, родственников и нет. Вы были моей семьей. Есть у меня домик маленький, так далеко находится. И я там совсем одна буду.

У Шен сердце сжалось от жалости. Она обняла пожилую женщину, которая заменила ей мать. Энни была не только экономкой, но и няней. Она знала о своей воспитаннице все. Все секреты, все тайны и мечты. И сама Шеннон всегда считала свою няню членом семьи, как и родители.

– Не переживай. Я что-нибудь придумаю, обещаю. Я не оставлю тебя. Ты заботилась обо мне, обо всех нас, теперь моя очередь.

Они просидели бы так до вечера, если бы вдруг в палате не объявился тот, кого они меньше всего ожидали увидеть – Джонатан Харридж собственной персоной. Заметив Энни, он побагровел, но быстро взял себя в руки и буквально прошипел:

– А ты что здесь делаешь? Я же тебе ясно сказал – уходи и никогда больше не попадайся мне на глаза.

Энни повернулась и испуганно посмотрела на мужчину, который с силой сжимал в руке трость. Казалось, еще чуть-чуть – и он ударит экономку.

– Это я ее позвала! – Шен вскочила и встала между ними. – Не смейте так разговаривать с моей няней! Она меня вырастила, была мне вместо матери, она моя семья. Если вы не прекратите ей угрожать, я отменю свадьбу. Пусть даже

придется побираться.

– А как же твой отец? – вкрадчиво поинтересовался Харридж, чуть ослабив хватку на набалдашнике трости.

– Он взрослый мужчина, сам о себе позаботится. – Шеннон гордо вскинула подбородок. В больничной одежде, с повязками на руках, выглядела она явно нелепо и напоминала нахохлившегося петушка, но ей было все равно. В душе ярко горело пламя ненависти, подпитывая мысли о мести. Вернее, она это называла справедливостью.

– Ну ладно, ладно. – Харридж поднял руки в примиряющем жесте. – Я вас, пожалуй, оставлю. Не люблю слушать бабские разговоры. Одни сплетни. Но смотрите у меня. – Он погрозил пальцем, угрожающе взглянул на бывшую экономку и вышел.

– Зря ты так с ним разговаривала. Опасный он человек. Может отыгаться потом на тебе за эти слова.

– Я не игрушка. Пусть привыкает. Хочет меня в жены? Отлично. Покажу ему, какова я на самом деле. Думает, скромную девочку-пансионерку замуж берет? Как бы не так. – Шеннон злилась. И было из-за чего. Ее ненависть к жениху росла с каждым днем в геометрической прогрессии. Он был ей противен, мысль, что придется выйти за него замуж, вызывала рвотные позывы. Но она сдерживалась. – Я найду способ освободиться от него. Должна найти. Вот только выйду отсюда, поговорю с отцом, и все наладится.

– Дай-то бог, детка, дай-то бог. – Энни сокрушенно качала

головой, как наяву представляя Шеннон в лапах этого чудовища. Несладко ей придется. Но она девочка сильная, справится. Характером в маму пошла. Та тоже бунтаркой была, никогда правилам не подчинялась. Вот и сгинула. Экономка надеялась, что Шен избежит подобной участи. Хотя девушка отличалась буйным нравом и непослушанием, стальной стержень у нее был всегда, с самого детства. Если она чего-то хотела, никто не мог ей помешать.

– Шеннон, милая! – Уильям бросился к дочери. – Где же ты была, девочка моя? Куда-то ушла, никому не сказала. – Макбрайт посмотрел на полицейского. – Где вы ее нашли, офицер?

– На автобусной остановке. Пыталась уехать в Ричмонд. – В Ричмонд? Но зачем, детка? – Уил обнимал дочку, все еще не веря, что она нашлась, живая и невредимая. – Почему ты убежала? – Он пытался по лицу дочери прочесть ответы на свои вопросы, ибо девочка продолжала молчать, упрямо сжимая губы.

– Может быть, ее обидели? – Полицейский вопросительно посмотрел на Уильяма, а тот – на свою дочь.

– Тебя кто-то обидел, детка? Если да, то я его накажу. – Я хотела найти маму! – выпалила Шеннон, старательно отводя глаза в попытке спрятать слезы.

– Ох, доченька... – Уильям покачал головой и посмотрел на полицейского. – Ее мать недавно ушла от нас, а Шен

очень скучает. – Он развел руками, словно извиняясь. – Я могу ее забрать?

– Конечно, мистер Макбрайт, только подпишите вот тут. – Офицер быстро нашел нужную бумагу среди других, разбросанных по столу, и подал Уильяму. Тот поставил подпись и взял Шен на руки. – Можете идти.

– Еще раз спасибо, офицер. – Крепко прижимая к себе дочь, Макбрайт вышел из здания полиции.

Дома их уже ждала заплаканная Энни. Увидев Шеннон, она снова разрыдалась, теперь уже от радости.

– Детка, ну как же так? Зачем ты убежала? Мы так волновались. – Девочка вырвалась из рук отца, поставившего ее на пол, и кинулась в теплые объятия экономки.

– Я хотела к ма-аме, – срывающимся голосом произнесла Шеннон. – Почему-у она ушла? Она что, большие меня не лю-ю-любит?

– Ну конечно, любит, доченька. – Отец присел рядом с ней и взял ее руку в свою. – Просто ей нужно было уйти.

– Но почему-у? – Девочка подняла мокрые от слез глаза на взрослых, а те беспомощно смотрели друг на друга. Экономка пожала плечами, словно отвечая на немой вопрос Уильяма, и тот решил сказать правду.

– Понимаешь, детка, я ее обидел. Опять сделал что-то неправильно, она не выдержала и ушла. Прости меня, дочка. Я не хотел. Не думал, что так случится. Мама тебя любит, просто она на меня очень обижена. Это я во всем

виноват.

– Нет, папочка. Ты не виноват. Ты же попросил прощения. Ведь попросил? – Шен недоверчиво взглянула на отца.

– Конечно. Но она меня не простила.

– Тогда ты ни в чем не виноват. Она должна была тебя простить. Это она виновата. Но я все равно скучаю по ней, – после паузы продолжила Шеннон.

– Ох, детка, ты у меня такая маленькая, но такая умная.

Отец обнял дочь, а та обвила его шею руками, шепча: «Я люблю тебя, папочка». Он гладил ее по спине и смотрел на Энни. А та беспомощно разводила руками.

При мысли о Миранде Макбрайт в душе экономки поднималась буря негодования. Та всегда была ветреной особой. Дочь она, несомненно, любила, но превыше всего ценила свободу и не скрывала, как тяготит ее замужество. Разумеется, Энни были известны слухи об этом браке. Будто бы родители спланировали ее замуж от греха подальше. Чем уж она им не угодила, в чем провинилась – никто не знал. Версий было много, настолько разных, что вряд ли хоть одна соответствовала действительности. Но то, что Уильяма она не особо любила, видели все. Он был намного старше и души в ней не чаял, хоть и не всегда проявлял свои чувства. А Миранда... Ей было всего девятнадцать, когда она вышла замуж, и считала, что брак ограничивает ее. Поэтому часто вела себя слишком предосудительно даже на взгляд по-

борников свободных отношений. Если бы Энни узнала, что Миранда завела себе любовника, то не слишком удивилась бы. И лишь когда забеременела – что произошло далеко не сразу, – миссис Макбрайт немного уgomонилась. Стала заниматься благотворительностью, как и большинство в их среде, увлеклась домом, отделкой детской. Энни, наконец, вздохнула с облегчением. Но ненадолго.

Миранда вела себя достойно несколько лет. А потом вновь начались скандалы, гулянки. Она укладывала Шеннон спать и уходила в ночной клуб, возвращаясь под утро. И так продолжалось бы и по сей день, если бы однажды Уильям не запретил ей выходить после полуночи, практически посадив под домашний арест. Он аннулировал кредитки, выданные на ее имя, закрыл доступ ко всем счетам. Миранда рвала и метала, но сделать ничего не могла. Днем она отправляла Шеннон гулять с няней, а сама ругалась с мужем, била посуду, даже угрожала самоубийством. Но Уильям знал, что на это она никогда не пойдет – его жена слишком любила жизнь. Поэтому лишь усмехался в ответ. Но однажды во время ссоры она кинула в зажженный камин фотографию его родителей, умерших пару лет назад. Это стало последней каплей. Он дал ей пощечину. Миранда ничего не сказала в ответ, а на следующее утро Энн не нашла ее в спальне. Кровать была нетронута, будто на ней и не спали. Пропало кое-что из одежды и дорожная сумка.

Уильям был зол. На себя за то, что не сдержался. На

жену за то, что даже не попрощалась с дочерью. Разумеется, Миранду Макбрайт объявили в розыск. И, конечно же, поиски ничего не дали. Все знали, что отношения у супругов натянутые, так что никто ее особо и не искал. Миранда не объявлялась, о ней ничего не было известно. И через несколько лет, когда Шеннон была уже в пансионе, Уильям с чистой совестью объявил супругу умершей и решил сообщить об этом дочери.

Как ни просила Энн мистера Макбрайта подождать, пока девочка придет домой, он не согласился. Просто позвонил в пансион и сказал Шен, что ее мама официально мертва. Долгое молчание в трубке подтвердило опасения экономки: для девочки это был сильный удар. Но когда она через месяц приехала домой на каникулы, ничто не говорило о том, что Шеннон расстроена. Она щебетала, как птичка, носилась по всему дому, весело смеялась и танцевала с пылинками в маминной комнате. Когда Энни спросила ее о маме, девочка улыбнулась и сказала: «Когда-нибудь она вернется ко мне. Я точно знаю». Экономка испугалась за рассудок Шен, но Уильяму ничего не рассказала, решив понаблюдать за своей подопечной. Никаких признаков умственного расстройства не было, и со временем Энни успокоилась. Однако до нее доходили слухи о том, что в пансионе Шен ведет себя вызывающе, не слушается, грубит учителям и сбегает при любой возможности. Всякий раз полиция находила ее и возвращала в пансион, но все повторялось. Каждая от-

лучка была дольше предыдущей: Шен быстро адаптировалась к незнакомой среде, заводила знакомства среди отбросов общества, а те помогали ей выжить на улицах. И лишь в пятнадцать у Шеннон закончился период бунтарства, и побеги прекратились. А еще через два года она окончательно вернулась домой...

...Чтобы стать невестой чудовища. Все эти мытарства закалили ее характер, но сумеет ли она справиться с таким человеком, как Харридж? Энни очень хотела верить, что все получится. И готова была помогать своей девочке всем, чем сможет.

Глава 11

Некоторое время Шеннон и бывшая экономка молчали и думали каждая о своем. Тишина была нарушена громким спором, доносившимся из коридора. Услышав знакомый голос, Шен подошла к двери палаты и прислушалась.

– Брюс, все это надо сделать как можно быстрее. Каждый час промедления может отразиться на состоянии Алекса.

– Дэн, заткнись. Ты кого учишь? Думаешь, я этого не знаю? Думаешь, мне не дорого здоровье моего крестника. Но я не бог, делаю, что могу.

– Надо совершить невозможное.

– Ну по невозможному у нас ты специалист, я лишь жалкий раздражитель, – раздался смех, и Шен чуть приоткрыла дверь, чтобы разглядеть собеседника Дэниела.

Мужчина, шедший рядом с Дэном, был в белом халате, но на врача походил мало. Невысокий, полноватый, в круглых очках в стиле Гарри Поттера на овальном лице. Большое количество татуировок ассоциировалось с байкером (на которого человек тоже, впрочем, похож не был), а пирсинг в самых неожиданных местах заставил Шеннон открыть рот от удивления: в ушах чернели туннели, брови проколоты, нос в нескольких местах и даже губы сверкали колечками, камушками и висюльками. Но больше всего поражали его волосы. По бокам они были выбриты в виде паутины, а наверху то-

поршились прядями всех цветов радуги. Такое же разноцветье можно было наблюдать и на подбородке, с которого свисала тонкая косичка. Голос у этого странного человека был громким, он отражался эхом от стен и заставлял чуть заметно вибрировать воздух. Несмотря на неординарную внешность – Шен бы сказала, что она «сильно на любителя», – харизма у мужчины была сумасшедшая. «Ему бы в политике, – подумала Шен. – Всех сразил бы».

Насколько стало понятно из разговора – и судя по надетому халату, – необычный мужчина был врачом. По тому, как он распоряжался в больнице и разговаривал с Дэном, Шен поняла, что он птица высокого полета. Мужчины остановились и продолжили что-то обсуждать, теперь уже вполголо-са, а Шеннон, заметив шедшую по коридору Клариссу, тихо окликнула медсестру. Та, оглянувшись, подошла к двери палаты.

– А кто это? – Шеннон кивнула в сторону фрика.

– Это доктор Брюс Нейтон, специалист по ожогам. Его мистер Карсон сюда вызвал, для своего брата, – прошептала Кларисса. Заметив, что Дэниел повернулся в их сторону, она сказала: – Ой, я побежала, работы много, – и тут же быстро нырнула в соседнюю дверь.

Дэн, заметив выглядывавшую Шеннон, кивнул ей и вновь повернулся к собеседнику. А тот по телефону отдавал распоряжения.

– Дэн, Алексу понадобится сиделка и как можно скорее. –

Громкий голос врача разнесся по коридору.

– Брюс, мне некогда заниматься поисками, подбери сам.

На мне фирма, куча проблем...

– Ну поручи это кому-нибудь.

– Я доверяю только тебе. Вокруг нас с Алексом слишком много случайных людей. А пока он в таком состоянии, не хочу никому облегчать задачу. – Дэн нахмурился, а Брюс посерьезнел.

– У вас неприятности?

– Пока нет, но не хочу, чтобы появились.

Шеннон слышала весь разговор, и в ее голове зрела идея, как одним выстрелом убить двух зайцев. Ну хотя бы попробовать. Дождавшись, пока Дэн отвлечется от разговора с доктором, она на цыпочках подошла ближе и позвала его.

– Дэн? Можно вас на минутку?

Недоумевая, что Шен от него понадобилось, он все же подошел. Все-таки мамино воспитание, она научила его уважать женщин.

– Что-то случилось? – Он вопросительно выгнул бровь.

– Нет... Вы извините, я случайно подслушала ваш разговор про сиделку... – Шен запнулась, увидев насмешливый взгляд.

– Ну да, совершенно случайно, – хмыкнул Дэниел.

– Да, именно так, – вздернула подбородок она. – Этот ваш доктор так орет, что Иерихонскую трубу перекричит. – Дэн расхохотался. – Так вот... Ко мне пришла моя няня, эконом-

ка в нашем доме. Бывшая экономка, – поправилась Шеннон и посмотрела прямо в глаза молодому человеку. – Она много лет работала на нас, вырастила меня, была нашей с отцом опорой. Но с тех пор, как появился Харридж, все пошло наперекосяк. Он поселился в моем доме, выгнал всех преданных нам слуг...

– Ближе к делу, пожалуйста, – нетерпеливо прервал ее Дэн, оглядываясь на доктора Нейтона. Тот все еще говорил по телефону.

– Да-да, простите. Так вот, он выгнал и Энни, и та... Ей некуда идти, мы были ее семьей много лет. И работы теперь тоже нет. Денег, которые при увольнении дал Харридж, надолго не хватит. – Она развела руками.

– Ты хочешь, чтобы я помог ей устроиться на работу?

– Вашему брату нужна сиделка. Поверьте, лучше моей няни вам никого не найти. У нее руки просто золотые. Она всех на ноги ставит. Я хочу помочь, хотя бы немного исправить то, что натворила. – Шен смутилась и отвела взгляд, а потом продолжила: – Я знаю, что это невозможно, и все-таки. Я хочу хоть что-то сделать. – Голос ее был умоляющим.

– Хм... – Дэн задумался. Несмотря на то, что Шеннон послужила косвенной причиной того, что Алекс оказался в больнице, семья Макбрайтов обладала в свете незыблемой репутацией. После того как двенадцать лет назад улеглись страсти, связанные с побегом Миранды Макбрайт, все успокоились. Уильям вновь приобрел вес в обществе, когда ста-

ло известно, что его жена умерла. А вот Джонатан Харридж добрых чувств ни у кого не вызывал. И если он уволил тех, кто был на стороне Макбрайтов, это о многом говорило. – А у этой... как ее там? Энни? – Шеннон кивнула. – У нее есть медицинское образование?

– Да, когда ее нанимали, то брали в качестве няни для меня. И родители искали человека, который смог бы оказать необходимую помощь в случае чего. Да и опыта у нее достаточно. Всех выхаживала – от меня и отца, когда мы болели, до слуг и домашних животных. – Шен улыбнулась, вспомнив моменты детства. – А экономкой она стала уже позже, когда мама... – Она замялась.

– Умерла, я знаю, – сочувственно произнес Дэн, и Шен расслабилась. Не хотелось посвящать посторонних в их семейные дела. – Хорошо, пусть она придет ко мне... скажем, завтра в полдень. – Он достал бумажник, вытащил визитку и ручку и что-то приписал на прямоугольнике. – Вот адрес. А сейчас извини, нужно бежать. Я перевожу брата в другую больницу, и мне надо уладить кучу связанных с этим проблем.

– Да, конечно. И спасибо. – Она помахала ему маленькой бумажкой и буквально ворвалась в свою палату, где Энни только ее и ждала, чтобы распрощаться.

– Нэн, Нэнни. – Шен подлетела к своей няне и крепко ее обняла.

Та отстранилась и посмотрела на воспитанницу. Глаза си-

яли, на губах цвела улыбка. Экономка давно ее такой не видела.

– Что случилось, детка? Ты прямо светишься.

– Я нашла тебе работу. Надеюсь.

– Что? Когда успела? Тебя же всего десять минут не было. – Энн удивленно воззрилась на Шеннон, которая кружилась по палате.

– А вот так. – Шен улыбнулась и протянула визитку с адресом. – Вот, держи. Завтра в полдень тебя будут ждать. Возьми с собой все документы.

– А что за работа-то хоть? – Экономка с опаской взглянула на бумажный прямоугольник. – Дэниел Карсон? Ты шутишь? Это же президент...

– Знаю-знаю, президент компании «Карсон технолоджи». Занимаются разработкой каких-то там супернавороченных роботов. У него брат попал в аварию. Вернее, мы с ним попали. Точнее... в общем, я невольно стала причиной того, его младший брат сейчас находится в реанимации и, возможно, никогда не будет видеть.

– Ох, детка...

– И теперь ему нужна сиделка. Я порекомендовала Дэниелу тебя.

– А откуда ты его знаешь? – Энни прищурилась и посмотрела на Шеннон, которая ступевалась под ее пронизательным взглядом.

– Ну... я как-нибудь в другой раз расскажу. Точно-точно.

– Ну ладно, но смотри у меня. – Энн погрозила пальцем и рассмеялась. – Мне надо идти, детка. Я и так уже засиделась у тебя.

– Хорошо, Нэн. Обещаешь, что пойдешь завтра к Карсо-ну?

– Обещаю. – Энни обняла и поцеловала свою воспитанницу. – А ты выздоравливай. И Шен... будь осторожней.

– Хорошо, Нэн, буду. – Шеннон прижалась носом к морщинистой щеке и втянула такой знакомый с детства запах. – Береги себя. Я найду способ связаться с тобой.

– Пока, детка. – Энни направилась к выходу, на пороге обернувшись и покачав головой, а затем вышла, прикрыв за собой дверь.

Шен рухнула в кресло и закрыла глаза. Пусть она стала невольной причиной травм Алекса, но сегодня хоть немного загладила свою вину. Она нисколько не кривила душой: лучше Энни сиделки она не встречала. Да и перед ней няней она тоже была виновата. Как знать, если бы не сбежала, возможно, все слуги остались бы на своих местах. Но думать об этом сейчас не хотелось. Она сделала все, что могла. Теперь оставалось только ждать.

Глава 12

Дэниел Карсон сидел в кресле президента компании и задумчиво смотрел в окно. Через час должен начаться очередной совет директоров, а мысли витали совсем в другом месте. Алекс благополучно доставлен в ожоговый центр Брюса, сегодня у него операция, и с большим удовольствием Дэн был бы сейчас рядом с братом, а не здесь. Но выхода не было: Брюс строго-настрого запретил ему являться в больницу до тех пор, пока не придет в себя и не отоспится. Дэн рвался к брату, но понимал разумность доводов врача, а потому решил заняться насущными проблемами: в скором времени предстояло открыть еще один офис, в Атланте, и пока что проблем было больше, чем способов их решения.

– Мистер Карсон. – Интерком на столе ожил и заговорил голосом его бессменной секретарши Сюзан. – К вам пришла женщина, сказала, что ей назначено. Некая Энн Диккенс. – Кто это такая, черт возьми? Имя ему ничего не говорило. – Мистер Карсон?

– Да, Сюзан, спроси, по какому вопросу.

Интерком на пару секунд отключился, а затем ожил вновь.

– Мистер Карсон, она говорит, что пришла по поводу сиделки для вашего брата. – В голосе секретарши явно слышалось недоумение.

Черт! Как он мог забыть? Это же та самая няня Шеннон,

которую ему вчера «сосватали». И он сам назначил ей встречу сегодня в двенадцать. Дэн взглянул на часы – ровно полдень. А она пунктуальна. Это хорошо.

– Сюзан, проводи ее ко мне, пожалуйста.

– Одну минуту, мистер Карсон.

Секретарь отключилась, и через пару секунд он услышал шаги. Дверь в кабинет открылась, и на пороге появилась стройная женщина лет тридцати. В строгом костюме, с идеально уложенными волосами и почти незаметным макияжем, Сюзан Меллори держалась так, словно была по меньшей мере фавориткой при дворе короля. Пройдя пару шагов, она пропустила вперед невысокую полноватую женщину, которая, судя по всему, чувствовала себя не в своей тарелке. Нервно сжимая в руках сумочку, она озиралась по сторонам, стараясь сдержать волнение. Дэн встал навстречу пожилой женщине.

– Добрый день, миссис Диккенс, проходите. – Он рукой показал на кресло, предлагая сесть. – Хотите чего-нибудь? Чай, кофе, сок?

– Ничего не нужно, спасибо. – Голос женщины был тихим и немного неуверенным, но вместе с тем в нем слышалась твердость.

– Сюзан, оставьте нас.

Секретарша кивнула и вышла.

– Итак, миссис Диккенс, расскажите мне о себе.

Дэниел заметил, как женщина глубоко вздохнула перед

тем, как начать, а затем, видимо, взяв себя в руки, стала обстоятельно излагать основные вехи жизни, образование, опыт, обязанности.

– Довольно. Я понял, что вы достаточно квалифицированы для этой работы. Поэтому я не буду долго думать. Вы приняты. – Увидев слабую улыбку на лице Энни, Дэн усмехнулся. – Не настолько я страшен, как кажется, да? – Улыбка Энн стала шире, и он сразу увидел и добрый взгляд, и морщинки вокруг глаз и рта.

«Она часто смеется, – подумал он. – И глаза добрые. Как раз то, что нужно сейчас Алексу – материнская забота и участие. Может, ему удастся хотя бы ненадолго забыть о том, что он вырос без матери?» Дэн всегда доверял своей интуиции, и сейчас та подсказывала ему взять на работу эту женщину. Он прислушался, как всегда.

– Решено. Думаю, что лучше вас я никого не найду. Алекс еще в больнице, но в доме уже оборудуется для него специальная комната. Скорее всего, потребуется ваша помощь и совет в обустройстве. Вот вам адрес, можете приходить хоть сегодня, с вещами. Я предупрежу о вас.

– А... можно прийти завтра? Мне нужно собраться с мыслями, упаковать вещи...

– Конечно, миссис Диккенс, – мягко ответил Дэн. – Приходите сразу, как только будете готовы. – Он протянул ей бумажку с адресом. – Мы все будем вас ждать.

– Спасибо, мистер Карсон.

Дэниел понимал, что он работодатель и все такое, но насколько же нелепо звучало обращение «мистер Карсон» из уст этой женщины. Теперь, после разговора с ней, после того, как услышал ее неторопливую речь, приятный грудной голос и даже расслышал в нем ласковые нотки – они прорвались, когда она вспоминала годы работы у Макбрайтов, – он понял, почему Шеннон ее рекомендовала. И почему так ее любила. Любовь их была взаимной. Энн практически заменила девушке мать, и Дэниел надеялся, что она сможет сделать то же самое для его брата. Пусть он уже взрослый, но желание быть кем-то любимым никуда не делось. В этом Дэннисколько не сомневался.

– Зовите меня Дэн, просто Дэн. Я вам в сыновья гожусь, какой из меня мистер Карсон?

Неожиданно для себя он рассмеялся. Как давно этого не делал? Давненько. Даже забыть успел это ощущение. Хотя сейчас не до веселья. Смех оборвался так же резко, как и начался. Энни уже стояла у двери, все так же сжимая в руках сумку.

– Я вас не подведу, мис... – Она увидела чуть укоризненный взгляд Дэниела и осеклась. – Дэн. Обещаю.

– Я не сомневаюсь. До завтра, Энни.

– До завтра, мистер... Дэн.

Женщина развернулась и вышла. А Дэниел продолжал смотреть в одну точку, думая о чем-то своем, пока вновь не раздался голос Сьюзан, сообщивший, что все члены совета

директоров уже собрались и ждут только его. Дэн тряхнул головой, прогоняя оцепенение. Чертово собрание! Будь оно неладно. Дэн выругался сквозь зубы и вышел из кабинета, направившись в зал заседаний.

***

Пока Дэниел в совете директоров обсуждал открытие нового офиса, Брюс Нейтон сокрушающе качал головой, рассматривая результаты обследования Алекса. Скорее всего, шансов выздороветь полностью у парня нет. Оставалась надежда лишь на то, что благодаря предстоящей операции зрение со временем восстановится хотя бы частично. Но и она была слишком хрупка и эфемерна. Однако доктор Нейтон никогда не пасовал перед трудностями. Каждый подобный случай был для него словно вызов. И каждый раз он сражался до конца. Тем более что сейчас речь шла о судьбе его крестника.

Он вспомнил, как давным-давно в церкви держал грудного Алекса и давал обещание позаботиться о нем, если с родителями что-то случится. Этому обещанию после смерти Клеменса Карсона он никогда не изменял, при всей своей загруженности находил время для крестника, выкраивая по паре часов хотя бы раз в неделю. А когда стало понятно, что Лавиния не в состоянии заботиться о сыне, взял на себя почти все хлопоты о нем и его будущем. К счастью, к этому моменту Алекс подрос, и постоянный присмотр ему не требовался. Зато помощь оказалась неоценимой, когда у Алекса

начался пубертатный возраст и подростковый максимализм просто зашкаливал. Дэн зашивался на работе, Лавиния уже давно жила в своем мире, а подросток оказался практически предоставлен сам себе. И все могло бы закончиться плохо, но вовремя подоспевший на помощь крестный отец наставил парня на путь истинный. Отдавая дань пристрастиям крестника, он перекрасил волосы, отрастил бородку, сделал пару дырок в дополнение к уже существующим, и они с Алексом стали практически неотличимы. Разве что у крестника не было зашкаливающего количества татуировок: они с Дэном разрешили ему сделать только одну. Бросив вызов обществу внешним видом, Алекс избежал участи доказывать свою уникальность другими способами: наркотиками, грабежами и прочими «прелестями». И Дэн, и Брюс выдохнули: пронесло.

К восемнадцати Алекс перерос желание кому-то что-то доказывать, подстригся, вернул себе природный цвет волос, вытащил тоннели из ушей и пирсинг из пупка. Напоминанием о подростковом бунте служила только татуировка на плече с изображением глаза Гора. Когда-то Алекс верил, что она защитит его от обмана и лжи, позволит увидеть истину. Вера закончилась одновременно с взрослением.

А вот Брюсу так понравился новый образ, что он решил его сохранить. Разве что бороду в тон волосам перекрасил: разноцветная косичка нравилась ему гораздо больше натуральной, рыжеватой. Знал, что своим внешним видом

немного шокирует окружающих, особенно когда они узнают в нем всемирно известного врача. Он видел это по ошарашенным взглядам, которые постоянно его сопровождали. Но в конце концов люди пожимали плечами: у каждого свои тараканы. И пока они не мешают хорошо делать свою работу, всем на них наплевать.

И вот теперь этот невысокий человечек сидел за рабочим столом и медитировал. Ему предстояла сложная операция. И сложнее она была оттого, что пациент не просто какой-то чужой человек, а тот, кто заменил ему сына. Права на ошибку у него не было никогда. А сейчас – вдвойне. Он должен был сделать все возможное, чтобы вернуть Алексу зрение.

Глава 13

Утро следующего дня выдалось для Энн Диккенс непростым. Ей предстояло собрать вещи (которых, к счастью или к сожалению, было немного), поехать в дом Карсонов, а там... Что будет там, Энни пока не знала. Надеялась, что ее примут хорошо ну или хотя бы отнесутся равнодушно. Это лучше, чем неприязнь. Как могут мстить слуги, она знала не понаслышке.

Макбрайты ко всем живущим в доме и приходящим работникам относились хорошо. Даже слишком, по мнению самой Энн. Но они считали всех этих людей не прислугой, а помощниками: хорошо платили, содержали, помогали решать проблемы, устраивать детей в школы, а пожилых родственников – в дома престарелых, если ухаживать за ними в домашних условиях было невозможно. И даже при всем этом находились те, кого вечно что-то не устраивало.

Когда новая горничная, Бьянка, появилась в доме, Энни сразу поняла, что от нее будут одни неприятности. Знойная красотка со смуглой кожей, длинными вьющимися волосами и явно южными корнями знала себе цену и умело пользовалась внешними данными. Все работники в доме разве что слюни не пускали при виде нее. Она никого не желала слушать, а Энн называла не иначе как «нянька». Девушка была ленива, груба, но старательно делала вид, что она невинная

овечка, а все просто придираются. Однажды Энн застала ее в комнате Миранды, когда та ушла на прием с мужем. Бьянка в гардеробной примеряла вещи хозяйки. Энни аж дар речи потеряла от такой наглости. Взащей выгнав ее из комнаты, пригрозила увольнением без рекомендаций. Девушка зло сверкнула глазами, но промолчала.

После этого она начала мстить. То чай Энни вместо сладкого был соленым, то ручки подноса, на котором Энн приносила мистеру Макбрайту кофе, оказывались намазаны клеем, то в комнате экономки появлялась неизвестно откуда кошачья шерсть, на которую у нее была аллергия... Фантазия Бьянки была неисчерпаемой, вот только никто ее так ни разу за руку и не поймал. А сама она тем временем вела себя все хуже и хуже. Пользуясь добротой хозяев, стала позволять себе слишком многое. Никакие слова Энни до сознания Уильяма и Миранды не доходили; им казалось, что все в порядке, а экономка действительно слишком строга.

Но когда Миранда исчезла, Бьянка пустилась во все тяжкие. Она и до этого вела себя не слишком прилично (ее юбки были слишком короткими, а декольте почти не оставляло места воображению), заигрывала со всеми работниками мужского пола, и, как подозревала Энни, дело редко ограничивалось одним флиртом. Теперь же она стала кидать томные взгляды в сторону мистера Макбрайта, стрелять глазками, вздыхать по любому поводу. У нее даже появилось рвение к работе, но выразалось оно только в стремлении

убирать комнату хозяина. Желательно, когда он в этот момент находился в ней. Однажды во время такой «уборки» Энни зашла к Уильяму и обомлела. Хозяин сидел в кресле и не сводил изумленного взгляда с Бьянки, которая, встав к нему спиной и наклонившись, старательно терла поверхность стеклянного журнального столика. Взгляду мистера Макбрайта предстала филейная часть горничной, едва прикрытая стрингами. Учитывая, что юбка прелестницы не доходила даже до середины бедра, можно легко представить, какая картина открылась Уильяму.

Когда через пару мгновений Энни отошла от шока, то быстро подошла, схватила Бьянку за волосы и под истошные крики последней выволокла из комнаты. Дотащив таким образом девушку до кухни, силой усадила ее на стул и устроила выволочку. Мечь обозленной красавицы не заставила себя ждать. Бьянка отыскала в комнате Миранды кольцо, которая та оставила, когда уходила, и подложила его в комнату экономки. А потом «нашла». Вот только она просчиталась. Между женщиной, заменившей мать его дочери, и молодой горничной, которая вела себя явно неподобающе, мистер Макбрайт логично выбрал первую. Экономке он доверял больше, чем себе. Поэтому Бьянка была с позором изгнана из дома, а Энни наконец вздохнула спокойно.

И вот теперь у бывшей экономки Макбрайтов на душе кошки скребли. Новый человек в сложившемся коллективе обычно вызывает если не неприязнь, то легкое отторжение.

Хотя ей не привыкать. Уж лучше так, чем оказаться на улице. Выдохнув, она застегнула сумку и спустилась в холл гостиницы. Багаж уже грузили в такси.

Проехав центральную часть города и въехав в пригород, машина свернула на тенистую аллею и через несколько минут оказалась у ворот огромного дома. Вернее было бы сказать – замка, настолько он был величественен. Ворота открылись, и колеса такси зашуршали по широкой подъездной дороге из гравия. Перед крыльцом красовался фонтан, струи которого сверкали в лучах солнца, а мелкие брызги доставали аж до крыльца, создавая в воздухе небольшую радугу. Прибавить к этому ярко-синее небо, высокие сосны, обступавшие громадный трехэтажный дом, выстроившихся на крыльце встречающих, – понятно, почему у Энни перехватило дыхание одновременно от восторга и от страха.

Через окно она заметила на крыльце встречающих и поежилась. Высокий статный седой мужчина в идеально отглаженном костюме и полноватая женщина в добротном платье и белом переднике выглядели сошедшими с обложек книг. Они следили за приближавшейся машиной, но их лица ничего не выражали.

Подъехав к крыльцу, такси остановилось, и Энни вышла, оглядываясь по сторонам. До нее долетали мелкие брызги, оседая бриллиантовой пылью на одежде. Таксист открыл багажник и выгрузил единственную сумку. Энни расплатилась, водитель козырнул, сел в машину и уехал. Она осталась на-

едине с встречающими.

Стоило ей протянуть руку к багажу, как мужчина быстро сошел со ступенек и молча взял сумку. Она хотела возразить, но он только укоризненно посмотрел. И хотя выражение его лица оставалось невозмутимым, в его глазах Энн заметила искорки веселья. От сердца отлегло.

Они поднялись на крыльцо, и женщина в переднике приветливо улыбнулась.

– Здравствуйте, я Кэтрин, экономка мистера Карсона. А вы, должно быть, миссис Диккенс?

Энни кивнула и обернулась к мужчине.

– Я Джеймс, дворецкий. Мистер Карсон предупредил, что вы сегодня приедете, миссис Диккенс.

– О, прошу, называйте меня просто Энни. Я много лет проработала в семье Макбайтов. Сначала няней, потом экономкой. – На этих словах лицо Кэтрин расцвело не хуже бегоний на клумбе вокруг фонтана.

– Пойдем, Энни, я покажу твою комнату. Она на первом этаже, рядом с комнатой мистера Алекса. Там сейчас все готовят к его возвращению. Отдохнешь, приведешь себя в порядок, и после обеда я тебе все покажу.

– Сумку я сейчас принесу. – Джеймс легко обогнал их и скрылся в коридоре. Женщины же шли не спеша.

– Раньше Алекс жил в комнате наверху. В мансарде. Говорил, что так он ближе к звездам. – Кэтрин печально улыбнулась. – Он с детства любит на них смотреть. Бывало, спать

пора ложиться, а его от окна не оттащить. Мистер Дэн купил ему телескоп на десятый день рождения. С тех пор игрушки Алексу стали не интересны. Он часами рассматривал небо в телескоп, рисовал карты звездного неба, сочинял истории...

– Шеннон тоже любила смотреть на звезды, правда, телескопа у нее не было.

– Шеннон? – В голосе Кэтрин послышалась заинтересованность. – Кто это?

– Это дочь Макбрайтов. Я сначала была у нее няней, а когда хозяйка пропала... – Энни замолчала, будто раздумывая, стоит ли обсуждать такие вещи с чужими людьми. С другой стороны, это давно не было ни для кого секретом, да и произошло больше десяти лет назад. – Тогда мистер Уильям сделал меня экономкой. Шеннон мне как дочь.

– Я понимаю. Алекс мне тоже как сын. Мистер Дэниел был уже взрослым, когда его отец погиб, а мать попала в больницу. А Алексу было всего шесть. Спасибо Брюсу – он помогал нам с Дэном заботиться о мальчике.

Энни вдруг вспомнила свой приход в больницу к Шеннон. Девушка выходила в коридор, и Энн расслышала, как один мужчина называл другого этим именем. Причем разговаривал так, словно они давние друзья.

– Брюс – это крестный Алекса. Он врач, занимается ожогами. Я слышала, что мистер Дэн попросил его взяться за лечение брата.

Энни поняла, что ее догадка оказалась верной.

– Кажется, я видела его в больнице, когда навещала Шеннон, – задумчиво произнесла бывшая экономка, а нынешняя вскинула брови.

– Алекс и ваша подопечная в одной больнице?

– Более того, в одном отделении. Шен не говорила, но я слышала разговоры и догадалась, что это она вытащила его из машины.

– Значит, это та самая девушка... – Теперь уже голос Кэтрин стал задумчивым. Она вспомнила, как шла по коридору мимо двери в кабинет Дэна и слышала обрывок его разговора с Брюсом. Нет, она не подслушивала, никто в доме не имел такой привычки, но дверь была открыта, а говорил Дэниел громко. Он упоминал о девушке, которая стала причиной аварии, хотя она же и вытащила Алекса из горячей машины. Судя по голосу, он был зол. Видимо, Брюс возражал ему, потому что Дэн все твердил: «Ты не понимаешь, это она виновата, она... Да, случайность, но... Кто вытащил? Она и вытащила... Да понимаю я, но все же...»

Получается, эта девушка невольна – о, Кэтрин несколько не сомневалась в том, что все произошло случайно – стала причиной аварии, потом вытащила Алекса, при этом сама пострадала, раз находится в одном отделении с ним. Он в ожоговом, она там же. Интересно, насколько сильно ей досталось?

– А что с ней? Сильно обожглась? – Голос был обеспокоенным.

– Не очень, руки только. Говорят, скоро будет как новенькая. Чего не скажешь о мистере Карсоне. Шеннон не виновата, она ничего такого не хотела, правда... – Энни очень хотелось, чтобы ее девочку ни в чем не винули.

– Я верю. – Кэтрин положила руку на плечо Энн в ободряющем жесте. – Я не знакома с ней, зато я прекрасно знаю Алекса. Он бесшабашен, необуздан, постоянно рискует, гоняет на машине как ненормальный... Наверное, думает, что бессмертный. – В голосе прорезалась печаль, и женщина вздохнула.

– Молодые все так думают. Это не новость. Ой, что-то мы совсем заболтались. – Энни огляделась. – Если я правильно понимаю, теперь это комната Алекса?

Они с Кэтрин стояли у открытой двери, которая вела в светлое помещение, почти абсолютно пустое. Экономка кивнула, и женщины вошли внутрь. Огромные окна давали много света, тяжелые портьеры были перехвачены витыми шнурами, в одном углу стоял небольшой диван, а в другом – специальная кровать для тех, кому необходим постельный режим. Больше в комнате ничего не было.

– Мистер Дэн сказал, что потом, когда Алексу станет лучше, кровать заменят. А пока... – Она развела руками и чуть пожала плечами, будто извиняясь.

– А где все остальное? – удивилась Энн.

– Дэн уверен, что раз Алекс ничего не видит, все посторонние предметы будут только мешать. Сказал, что брату

нужно больше места.

– Он так сказал? – Усмешка озарила лицо Энни. – Значит, так. Все предметы из комнаты Алекса необходимо перенести сюда. Вплоть до мелочей. Расставить все так, как было в прежней комнате. Его надо окружить знакомыми вещами. Они должны быть на тех же местах, что и раньше. Когда он вернется, то должен ощутить, что ничего не изменилось.

В глазах Кэтрин разгорался огонек понимания, а на губах расцветала улыбка.

– Да, мистер Дэн не ошибся в вас. И пусть ваши мнения расходятся, но я склонна больше довериться вам, нежели моему хозяину. Он не врач, ничего не понимает в медицине.

– Я тоже не врач, – возразила Энни. – И дело здесь не в медицине. Дело в...

– Любви, – перебила ее Кэтрин, кивнув. – Мужчинам не понять, что любовь порой может сотворить то, на что не способны все изобретения в мире, вместе взятые. Все будет сделано в ближайшие сроки, а пока пойдемте, я вам покажу вашу комнату.

Выйдя из пустого и неудобного помещения, Кэтрин толкнула соседнюю дверь и жестом пригласила войти. Энн послушалась и ахнула. Комната была очень уютной, будто воздушной, и явно женской. Она подошла к окну и распахнула створки: открывался вид на фонтан и сад, под окном вилась хорошо утоптанная тропинка, а в воздухе витал аромат свежескошенной травы и цветов.

– Восхитительно, – прошептала Энни, – чья это комната? Кэтрин немного погрустнела.

– Когда мать Дэниела и Алекса была молодой, она жила в этой комнате. Мистер Карсон часто уезжал по делам, и Лавиния в его отсутствие ночевала здесь. Когда родился Алекс, она почти перестала тут бывать. А когда с мистером Кларенсом произошло несчастье, она возненавидела сад и все, что с ним связано. Видимо, он напоминал ей тот самый лес, где все случилось.

Энни помнила эту историю, о ней трубили во всех газетах. Но окончания ее она не знала.

– А сейчас Лавиния Карсон живет наверху?

– Нет, она не живет в этом доме. К сожалению, она...

– Экономка замялась, словно сомневаясь, насколько можно посвятить чужого человека в подробности жизни хозяев. Энни поняла эту заминку.

– Не волнуйтесь. В моей семье, – она запнулась, – в семье Макбрайтов тоже не все гладко. Миранда – мать Шеннон – исчезла, когда девочке было шесть. С тех пор я заменила ей мать. Что стало с Мирандой Макбрайт – никто не знает. Мистер Уильям признал ее умершей, но доказательств нет.

Что ж, откровенность за откровенность... Кэтрин вздохнула и решилась. Отчего-то она верила этой женщине. Наверное, из-за того, что та говорила о прежних хозяевах так, будто те и впрямь были ее семьей.

– Лавиния Карсон повредила умом после того события.

Сейчас она в специальном приюте. Алексу тоже было шесть, когда все случилось. С тех пор мать им почти не занималась, ушла в себя, все легло на плечи мистера Дэна. Мальчик рос с нянями при живой матери.

– Сложно, наверное, было объяснить ребенку, почему так сложилось? – Энни прекрасно понимала, как тяжело расти в таких условиях.

– Да, очень. Ему казалось, что это он виноват в том, что мама больше им не занимается. Думал, что сделал что-то плохое и она его разлюбила. – Энн согласно кивала – у Шеннон тоже были такие мысли, как, наверное, у всех детей в подобной ситуации. – Когда он подросток и стал замечать, что мама нездорова, стал винить брата. А потом... – Кэтрин лишь рукой махнула. – Спасибо Брюсу, вытащил мальчишку. Теперь вот... – Экономка не смогла сдержать слез, достала из кармана передника белоснежный накрахмаленный платок и вытерла глаза.

– Давайте будем надеяться на лучшее. Ведь чудеса случаются. Особенно там, где в них верят. – Голос Энни звучал ободряюще, ей и самой хотелось верить в лучшее. Это «лучшее» не помешало бы ни Алексу, ни Шеннон. В больнице она в относительной безопасности, но рано или поздно окажется в руках этого монстра. И кто знает, что придет ему в голову.

– Пойду распоряжусь, чтобы вещи Алекса начали переносить в его новую комнату. А вы отдыхайте, обед будет, –

Кэтрин мельком взглянула на часы, – через час. Ваши вещи уже здесь. – Она кивнула в сторону сумки Энни и вышла, оставив ту в задумчивости.

Глава 14

Дэниел сидел за столом в своем офисе и отрешенно смотрел в окно. В последние дни на него свалилось сразу столько всего... Авария, заботы об Алексе, больницы, оборудование комнаты... Теперь еще и это.

Дэн тряхнул головой и вновь взглянул на бумаги. «Черт бы их побрал! За что я им деньги плачу? Ни одной проблемы не могут самостоятельно решить. Уволю всех к черту!» Мысленно чертыхаясь, он нажал кнопку селектора.

– Сюзан, закажите мне билет на вечерний рейс в Сан-Франциско.

– Хорошо, мистер Карсон, – ответила секретарша и отключилась. Он мог не волноваться: все будет сделано так, как надо. Примерно через десять минут Сюзан сообщила, что его самолет вылетает в половине восьмого вечера. Дэн поблагодарил ее и углубился в бумаги. Перед поездкой следовало все тщательно изучить.

***

Дэниел предупредил, что на обед не придет, так что стол накрыли на кухне. Обедали вдвоем: пара девушек-горничных, которые обычно работали в доме, ушли в город, а грузчики, таскавшие мебель с третьего этажа на первый, уже были накормлены.

Атмосфера за столом была довольно непринужденной.

Кэтрин и Энни делились историями из жизни Алекса и Шеннон, смеялись над их проказами и думали о том, что все дети одинаковы. Джеймс был немногословен, но улыбался, слушая эти рассказы.

Кэт рассказала и о Дэне. О том, как тяжело ему пришлось после смерти отца, как много он работал и сколько сил отдавал младшему брату. Энни подумала, что Алекс и Шеннон очень похожи: оба росли без матери, обоим не хватало ласки и любви. Но и Дэна она тоже жалела: шутка ли, в неполные двадцать лет взвалить на плечи все обязанности главы семьи. Что такое двадцать лет, тем более для мальчишки? Девочкам проще: они раньше взрослеют и в двадцать уже чаще всего вполне самостоятельные личности. Они способны создать семью, выйти замуж, завести детей, содержать в порядке дом... У мальчиков по-другому устроен не только организм, но и мозг. Они начинают взрослеть позже, порой оставаясь детьми до самого преклонного возраста. Энни вспомнила слова своей матери, которые та часто повторяла. Она говорила: «Запомни, доченька, мужчины – вечные дети. Они сначала в детстве живут, а под старость в него впадают. Они из этого состояния не выходят никогда. Будь готова к этому и смирись, так устроен мир». Ее мать была мудрой женщиной, редко ошибалась, и Энн старалась прислушиваться к ней.

После обеда, войдя в новую комнату Алекса, Энни удовлетворенно кивнула: не идеально, но уже похоже на жилое помещение. Кэтрин сказала, что рабочие перенесли самое

тяжелое, поставили мебель, а остальное они с Джеймсом сделают сами. Время еще было. Алекс проведет в больнице не меньше трех дней, если не будет осложнений. А потом Брюс обещал выписать его. Сказал, что «дома и стены помогают». Все, включая Энни, которой эти слова передала Кэт, были с ним полностью согласны. Как ни крути, но больница остается больницей, даже если она очень дорогая.

Энн обещала помочь с обустройством комнаты. Нужен был специальный стол с принадлежностями для перевязок и лекарственными препаратами. Требовалась помощь в закупке медикаментов и всего необходимого.

Об этом Кэтрин сообщила Дэну, когда тот пришел домой. Энни было очень неловко, что она поселилась в бывшей комнате его матери, однако при виде сиделки Дэн улыбнулся и кивнул на дверь.

– Вам нравится?

Энни решила не кривить душой и сказала правду.

– Очень. Это лучшая комната из тех, в которых я когда-либо жила.

– Я рад. Обустраивайтесь и чувствуйте себя как дома. Мне необходимо уехать на пару дней, так что можете не стесняться. Кэтрин передала мне ваши пожелания по поводу комнаты Алекса. Я не врач, но... Мне казалось, больше воздуха и пространства ему не помешает. Однако в ваших словах есть резон. Поэтому я оставил распоряжения Джеймсу и кредит для закупки необходимого.

Дэниел подошел и взял Энни за руку. Ее ладонь была немного шершавой, грубой, но теплой и нежной. Сразу было понятно, что женщина не белоручка, привыкла к любой работе, но одновременно не растеряла свои природные качества – доброту и заботливость. Дэн уважал таких людей. Его отец поднял бизнес с нуля, не гнушался черной работы, вкалывал на строительстве своего первого магазина наравне с нанятыми рабочими. И все, кто поступал подобным образом и не стеснялись того, кто они есть, вызывали у него чувство восхищения.

– Вверяю Алекса в ваши заботливые руки. – Дэн легко сжал ладонь женщины. – Я в вас верю.

– Я вас не подведу, мис... – При виде его укоризненного взгляда она стушевалась и продолжила уже тише: – Дэн. Я сделаю все, что от меня зависит, чтобы поставить вашего брата на ноги.

– Вот и славно. А теперь извините, я должен ехать. Дела.

Увидев Джеймса, который нес вниз по лестнице его дорожную сумку, Дэниэл еще раз пожал руку Энни и стремительно вышел за дверь.

– Бедный. – Кэтрин, буквально материализовавшаяся рядом, вздохнула. – Все на бегу, ни минуты покоя. Мы уже и забыли, когда он в последний раз отдыхал. Наверное, он тоже этого не помнит. Опять какие-то проблемы в офисе другого города, опять дорога, длительные перелеты. А только успеет вернуться, Сюзан найдет ему здесь кучу неотложных во-

просов, требующих немедленного решения. И так уже много лет.

– Неужели у него нет помощников, заместителей?

– Есть, конечно. Но он всегда следовал завету своего отца: хочешь, чтобы было сделано хорошо, сделай сам. Вот и мотается по миру как заведенный.

Такую позицию Энни прекрасно понимала. По молодости Уильям Макбрайт тоже был таким. Но однажды попал в больницу с переутомлением и понял, что, если не сменит образ жизни, его дочь останется сиротой. Может, если бы не было Шеннон, он так и продолжал бы гробить свое здоровье. Но ему повезло. А вот у Дэниела не было детей. И Энн боялась, что если так пойдет дальше, то и не будет. Судя по словам Кэтрин, у него ни на что не было времени, кроме работы. Чувствовалось, что экономка и рада бы ему помочь, да только что тут сделаешь... Может, хотя бы присутствие брата, которому нужна помощь, заставит его хоть немного забыть о работе? Энни пообещала себе, что сделает все, что в ее силах, чтобы заставить братьев проводить вместе как можно больше времени.

Глава 15

Брюс сидел в своем кабинете и рассматривал снимки Алекса. Опять. Сравнивал снимки до и после операции. Смотрел на них раз за разом, словно надеясь, что со временем изображение изменится. Разумеется, все было по-прежнему. В целом он был доволен операцией: глаза Алексу удалось сохранить, опасность уже миновала, но и надежды на выздоровление почти не было. Он сделал все, что мог. Оставалось надеяться на чудо. Доктор Нейтон вспоминал случаи, когда больные выздоравливали вопреки прогнозам врачей. Вспомнил и шутку из разряда черного юмора: если пациент хочет жить, медицина бессильна. Но уверенности в том, что для крестника все закончится хорошо, у него так и не появилось. Но Алекс об этом знать не должен. Ему и так нелегко будет принять свое теперешнее состояние. Когда он придет в норму, еще предстоит пластические операции: шрамы от осколков и огня избороздили щеки и лоб. Конечно, все было не так страшно, как могло бы, но все же Брюс был уверен, что Дэн настоит на пластике. Алексу придется подчиниться, хотя победа достанется старшему брату кровью и потом. Брюс знал обоих братьев лучше, чем они сами. Алекс будет твердить, что, раз он теперь слеп, выходить куда-то смысла нет. А раз так, его никто и не увидит. Какой смысл делать операции? Дэн будет настаивать, что, когда зрение восстано-

вится – а так оно и будет, скажет он, – Алексу все равно придется что-то сделать. И споры эти могут затянуться почти до бесконечности. Но Брюс был уверен, что рано или поздно Алекс сдастся. Дэниел слишком властный. И имеет влияние на младшего брата.

Одного Брюс боялся: как бы Дэн не сделал хуже, пытаясь надавить на Алекса. Младший брат был упрям и своеволен, а еще избалован. И как на нем, завсегдатае ночных клубов, любимчике девушек, душе компании отразится слепота, Брюс мог только предполагать. Но всегда оставался шанс, что все будет еще хуже, чем он себе представил.

Доктор Нейтон вздохнул, поправил очки и вновь уставился на снимки, будто пытаясь увидеть в них то, что пряталось от него все это время. Тщетно. Изображение оставалось неизменным.

***

Очнувшись, он не сразу понял, где находится. Вокруг была полная темнота, но как ни силился открыть глаза, ему это не удавалось. Болело все: ноющая боль в ноге, резкая – в руках и тянущая – на лице. А еще противный плачущий звук будто врезался в мозг, отдаваясь в голове и растекаясь по нервам.

Он попробовал поднять руку, чтобы дотронуться до лица, но та была тяжелой, словно асфальтовый каток, и не слушалась. Ему удалось лишь пошевелить пальцами.

Темнота вокруг раздражала. Он злился от осознания сво-

его бессилия. Дернулся, но результатом стала лишь резкая боль от иголки в руке и усилившийся писк. Ему хотелось зажать уши, чтобы не слышать этот противный звук, но тело отказывалось слушаться. «Что же случилось?» Он попытался успокоиться и вспомнить, что произошло. Последнее, что помнил – он ехал в машине и увидел перед собой непонятно откуда взявшуюся девушку. Попытался ее объехать... А дальше пустота. Он раз за разом пытался выудить еще что-то из памяти, но все попытки были тщетными.

– Алекс? – Знакомый голос раздался совсем рядом, и теплая рука легла на его запястье. – Как ты себя чувствуешь?

– Брюс? – Собственный голос показался ему незнакомым, а горло горело огнем. Очень хотелось пить.

Словно прочитав его мысли, доктор Нейтон поднес к губам крестника трубочку.

– Пей.

Алекс сделал пару глотков, и ему сразу полегчало.

– Где я? Что случилось? Почему так темно? Зажги свет. – Он сыпал словами, словно боялся не успеть получить ответы на все вопросы.

– Лекс... – Голос врача был тих и печален. – Ты в больнице. Попал в аварию. Сейчас утро, и в палате много света. – Брюс ненадолго замолчал, собираясь с силами. – Твоя машина взорвалась, ты сильно пострадал. У тебя ожоги, особенно пострадали руки и лицо. У тебя повязка, поэтому ты ничего не видишь.

Врач решил выдавать информацию порционно и не сразу ставить перед фактом слепоты. Ему было не по себе от того, что это случилось с близким человеком, с мальчиком, практически заменившим ему сына.

– А где Дэн? – Алекс был удивлен, что брата нет.

– Ему пришлось срочно вылететь в Сан-Франциско, но он вернется завтра вечером. Не переживай.

Алекс откинулся на подушку. Итак, авария, ожоги... Он был достаточно подкован в теме, чтобы заподозрить неладное. Недаром его крестный был лучшим комбустиологом в стране.

– Брюс, что еще ты мне не сказал? – спросил Алекс и замер в ожидании, прислушиваясь. Он услышал вздох, а потом слова, которые навсегда изменили его жизнь.

– Ты больше никогда не сможешь видеть, Лекс...

Это было похоже на падение на голову бетонной плиты. Если у него еще и теплилась надежда, то после этих слов она растворилась, как дым.

– Надежда есть? – Голос звучал глухо.

– Практически нет. Алекс, я сделал все, что мог, поверь. Никто бы не сделал больше.

– Я верю. Ну что ж, придется с этим жить.

– Ты... Тебе нужно с кем-то поговорить? Могу позвать психолога. Здесь работает один из лучших...

– Нет, я хочу побыть один.

Брюс кивнул и направился к двери. Если бы Алекс мог

видеть сейчас своего крестного, то понял, что тот очень переживает. Но он не видел. Он снова и снова прокручивал в голове сказанное Брюсом и даже не услышал, как щелкнул замок на двери. Дальнейшая жизнь представлялась такой же беспросветной, как темнота перед глазами.

Доктор Нейтон, зайдя в свой кабинет, тяжело опустился в кресло. Разговор с Алексом был коротким, но тяжелым. Груз ответственности давил на плечи, заставляя мучиться сомнениями, действительно ли он сделал все. Вдруг можно было хотя бы частично спасти помочь Алексу? Он вновь и вновь прокручивал в голове детали, но исход не менялся: зрение нельзя было вернуть. И как ни тяжело было это сознавать, Алексу действительно придется с этим жить. Вроде крестник это понял, но принял ли? В этом Брюс сомневался. Он слишком хорошо знал его, чтобы поверить в такую быструю капитуляцию.

Конечно, он оказался прав. Буквально через час его срочно вызвали, потому что крестник крушил палату. Забежав к нему, Брюс увидел, как Алекс, опутанный проводами и капельницами, зажатым в руках стулом со всей силы бьет по кровати и аппаратам.

– Алекс, перестань! – Голос доктора Нейтона, громкий и зычный, не возымел никакого действия на пациента, который продолжал крушить мебель и технику. – Десять кубиков лоразепама, быстро! – крикнул Брюс медсестрам, которые столпились в коридоре, и парочка из них сорвалась с места.

Однако подходить к буйному пациенту все боялись, поэтому Брюсу пришлось вызвать охранников, которые скрутили Алекса. После укола он отключился, аппаратуру срочно заменили, капельницу тоже. Брюс отдал распоряжение убрать в палате, а сам пошел звонить Дэну. Подобное поведение надо было пресекать на корню, Алексу требовалась помощь психолога. И только Дэниел мог заставить брата согласиться на консультации.

***

Дэн был на совещании, когда ему позвонил Брюс. Извинившись перед членами совета директоров филиала Сан-Франциско, он вышел в коридор, молча выслушал врача и с хмурым видом вернулся в конференц-зал.

– Господа! Как вы все знаете, недавно мой брат попал в аварию и серьезно пострадал. Сегодня он пришел в себя, и ему сейчас необходима моя помощь. А потому прошу меня извинить – я вынужден срочно вернуться домой. Все вопросы мы решим в ближайшие дни, сейчас я не могу думать о делах, простите.

Не обращая внимания на удивленные взгляды, Дэн собрал бумаги и вышел, на ходу заказывая билет на самолет.

***

Шеннон шла на поправку, но возвращаться домой решительно не хотелось. У нее уже созрел план, как избавиться от угрозы в виде будущего мужа, но для этого требовалось выйти из больницы. А она боялась. Здесь, в палате, она чув-

ствовала себя под защитой. А там не было никого. Что с отцом – неизвестно, Энни уволили, в доме куча незнакомых людей и ненавистный Харридж, от которого ее просто выворачивало. Единственное, что ее удерживало от нового побега – угроза жизни ее отца. Кларисса больше не приходила к ней, медсестры сказали, что ее перевели в другое отделение (Шен подозревала, что это постарался Джонатан), и помочь было некому. Поэтому она стала морально готовиться к возвращению.

Пришедший врач подтвердил ее худшие опасения: через два дня ее выписывают, состояние больше не представляло опасений, сепсиса на пораженных тканях не наблюдалось, восстановление шло хорошо, и в целом прогноз был более чем благоприятный. Вот только это ее не радовало.

Подлил масла в огонь и Харридж, который явился вскоре после обхода и, елеино улыбаясь, сообщил, что обо всем договорился, свадьбу готовят, украшения будут, стол накроют... Ей осталось лишь выбрать платье из тех, что послезавтра доставят к ней домой для примерки. Шеннон скривилась, но кивнула – выхода у нее нет, нужно увидеть отца и убедиться, что он в порядке. А потом можно приступать к исполнению плана.

Глава 16

Дом встретил ее гробовой тишиной. Еще на подъезде Шен поняла, что многое изменилось. Сад, в котором раньше было буйство красок, сейчас выглядел заросшим и неухоженным, фонтан высох, а сам дом словно постарел и осунулся, напоминая дряхлого старца. А ведь еще пару месяцев назад это был мужчина в самом расцвете сил. Подавив горестный вздох, Шеннон постаралась взять себя в руки.

Разумеется, на крыльцо никто не вышел. Харридж, сидевший на переднем сидении, с завидной для его возраста прытью выскочил из машины, открыл ей дверцу и подал руку. Игнорируя его вытянутую ладонь, Шен схватилась за ручку двери и вышла. С бинтами было не очень удобно, но следовало привыкать – еще некоторое время нужно будет менять повязки. Картинно посетовав на это при выписке, Джонатан заверил ее, что к платью будут прилагаться длинные перчатки, которые все скроют. «Никто ничего и не заметит, дорогая», – сказал он и ухмыльнулся. На последнем слове Шен мысленно поморщилась, но постаралась ничем не выдать своих истинных чувств, иначе ее план полетит ко всем чертям. Лишь натянуто улыбнулась и постаралась побыстрее закончить с формальностями.

Подписав все бумаги на правах доверенного лица (документ, подписанный отцом, был предъявлен врачам в ее при-

сутствии явно для того, чтобы она знала, кто на данный момент хозяин положения), Харридж крепко взял ее под локоть и повел к выходу. Всю дорогу она молчала, хотя Джонатан пару раз задавал какие-то вопросы, рассказывал о подготовке к свадьбе. Но, видимо, поняв, что ничего от нее не добьется, замолчал. Она тихонько выдохнула.

Поднявшись по ступеням крыльца, Шен потянула на себя тяжелую парадную дверь. Та скрипнула, и этот звук резанул по нервам.

– Папа! – забежав в холл, громко крикнула она, и эхо разнесло ее слова. – Ты где?

– Он, наверное, отдыхает, детка. – Джонатан подошел к ней сзади и схватил за руку. Шеннон обернулась и собрала всю волю в кулак, чтобы не выдернуть свою ладонь и не влупить пощечину наглому субъекту.

– Я вам не детка. И не дорогая, кстати, тоже.

– Ничего, скоро станешь. Скоро я получу право называть тебя так, как захочу, и никто не сможет мне помешать, даже ты. – Голос был тихим, но в нем звучала сталь, отчего Шен внутренне сжалась, а потом расправила плечи.

– Но не сейчас. – Всю силу своего презрения она вложила во взгляд, которым наградила своего жениха. Наверное, так смотрят на блоху или таракана, посмевшегося залезть на твой ботинок. Ей очень хотелось раздавить его, как то самое насекомое, но... «Еще не время, подожди еще чуть-чуть», – уговаривала она себя, а сама всматривалась в коридор, ухо-

дивший вправо от лестницы. Она ждала, что покажется ее отец, но увидела совершенно другого человека.

– О, вот и она. А мы уже заждались. – Мужчина в белой рубашке с закатанными до локтей рукавами и в свободных светлых брюках оперся о перила и посмотрел прямо ей в глаза. От его взгляда где-то внутри зародился холодок и стал распространяться по телу. Но она твердо решила не отступить, и через несколько секунд холод в его глазах сменился интересом. Почему-то ей показалось, что этот мужчина (а судя по голосу, это был тот самый Кристофер) не так прост, как кажется. – Шеннон, я полагаю?

– Кристофер, я полагаю? – ответила она вопросом на вопрос и посмотрела на него с вызовом.

– А она бойкая. Смотри, как бы не заставила тебя под свою дудку плясать.

Крис отошел от перил и стал вальяжно спускаться. Он напоминал сжатую пружину, готовую распрямиться. А еще внушал какое-то необъяснимое чувство, которое свернулось внутри Шен тугим комком. От Криса исходил запах опасности. Но, в отличие от Харриджа, которого она ненавидела и презирала, этот человек не вызывал таких чувств. Да, она немного боялась, но скорее от того, что не знала, чего от него ждать. Он не вызывал отвращения. Наоборот, любопытство уже подняло голову.

– Еще чего, – фыркнул Джонатан позади Шен, однако она почувствовала в его словах некую неуверенность. «Вот и от-

лично, это мне на руку», – думала она, снова и снова прокручивая в голове детали плана. Следовало получше узнать этого Криса и разобраться в хитросплетениях их с Харриджем отношений – как бы он не помешал ей.

Спустившийся Кристофер медленно обошел Шеннон по кругу, оглядывая с ног до головы. Его оценивающий взгляд не был неприятен, что поразило ее саму. И все же пробрала дрожь, когда он коснулся ее руки.

– Пойдем, я провожу тебя в твою комнату.

Шеннон резко обернулась и увидела, что глаза Харриджа чуть не вылезли из орбит. Вероятно, он не ожидал такой наглости от племянника. Однако через пару секунд он взял себя в руки.

– Я сам провожу свою невесту.

– Сначала я хочу увидеть отца! – твердо заявила Шеннон. – Иначе никакой свадьбы не будет. И не надо меня никуда провожать. Это все еще мой дом! – Она резко вскинула голову и быстро взбежала по лестнице. – Будьте так любезны, распорядитесь, чтобы приготовили завтрак. Обязательно то, что я люблю! – Проиригнорировав удивленные взгляды мужчин, она практически бегом направилась в комнату отца.

– Чертова девчонка! – пробормотал Харридж. – Побыстрее бы уже жениться и разобраться с этими погаными бумажками.

– Бумажками? – Кристофер не прислушивался к словам Джонатана, но все же общий смысл был понятен.

– А? Не, это так, мысли вслух. Как там... – Харридж мотнул головой в сторону второго этажа.

– Отдыхает, – рассмеялся Крис. – Как обычно.

– Вот и славно, – потер руки Джонатан. – Надо распорядиться насчет завтрака для моей благоверной. Силы ей понадобятся. – Он хихикнул, и парочка направилась вглубь дома.

– Папа? – Шеннон приоткрыла дверь отцовской комнаты и просунула голову. В нос ударил тяжелый и спертый воздух, отчего она поморщилась. В комнате было темно и тихо, на кровати лишь угадывались очертания, и Шен позвала громче: – Папа!

Мужчина вздрогнул и повернулся к ней лицом. Шен чуть не расплакалась от того, как выглядел отец. Он словно постарел лет на тридцать с того момента, как она сбежала. Осунувшееся, одутловатое лицо, изборожденное морщинами, несло на себе печать усталости и какого-то вселенского горя. При взгляде на нее промелькнула слабая улыбка, быстро сменившаяся скорбным выражением. Шеннон закрыла дверь, подошла к кровати и присела рядом в отцом.

– Доченька, это правда ты? – Он протянул руку, дотронулся до ее лица, коснулся уже заживших царапин и просиял, сразу скинув пару десятков лет. – Ты вернулась! Я думал, что потерял тебя навсегда. – Он опустил глаза и заметил ее забинтованные руки. – Что с тобой случилось, милая? – Во взгляде сквозило беспокойство.

– Все хорошо, пап, небольшая авария. Но уже все в по-

рядке. Лучше расскажи, как ты. Почему уволили Энни?

– Я... Со мной все хорошо... Вроде бы. – Уильям приподнялся, сфокусировал взгляд на лице дочери, а потом обвел взглядом комнату. – Энни? Я не помню, что случилось. Мне было плохо, я пил, а потом... – Он нахмурился, пытается припомнить события. – Помню, как разговаривал с Джонатаном, он приносил мне виски. Помню Энни, она зашла... покачала головой, поохала, а потом сказала, что так больше продолжаться не может, и ушла. Больше я ее не видел... вроде. Больше ничего не помню.

Шеннон слушала рассказ отца, смотрела на него и понимала, что все не так просто, как кажется. Она обвела взглядом комнату: занавески задернуты, на тумбочке у кровати стакан с остатками напитка (взяла, понюхала – судя по запаху, виски), на полу – пустые бутылки.

Она встала, подошла к окну, резко отодвинула шторы и открыла створку. В комнату тут же ворвались солнечный свет и ароматы из сада. Недавно прошел дождь, и сейчас пахло мокрой травой, землей и асфальтом. Шеннон глубоко вздохнула и повернулась к отцу с улыбкой на лице.

– Вставай! Пойдем гулять.

– Доченька... – Отец смотрел на нее из-под ладони, которой прикрывал лицо от света. – Прости, что втянул тебя в эту историю. Я не хотел. Я...

– Папа... – Шен подошла и взяла его за руку. – Я все понимаю и уже простила тебя. Знаю, что ты не желал мне пло-

хого. Так уж вышло. – Она пожала плечами и криво улыбнулась.

– Я понял, что натворил, хотел отказаться от этой чудовищной сделки, но Джонатан сказал, что ты согласилась. Это правда? – Шен кивнула. Ни за что она не признается отцу, почему это сделала. – Зачем, Шен? Откажись! Я поддержу тебя. Плевать, что он нас разорит. Справимся, выживем. Мы вместе, а это главное. – Голос отца был умоляющим, но Шеннон дала себе слово не поддаваться на уговоры. Она знала, что Харридж их не отпустит. Уже нет. Уже поздно. Теперь надо довести игру до конца и отомстить за все.

– Нет, папа. – Она покачала головой и отвернулась. – Я не стану этого делать. Я выйду за него замуж.

– Он чудовище! Он...

– Я знаю. – Она украдкой вытерла набежавшие слезы и повернулась к отцу, в немом удивлении уставившемуся на нее. – За время своего отсутствия я многое поняла. И теперь знаю, как с ним бороться. Просто поверь мне. Пожалуйста.

Подойдя к кровати, она сжала руку отца, быстро поцеловала его и метнулась к двери.

– Через полчаса жду тебя внизу. Тебе надо подышать свежим воздухом. Отказ не принимается.

Шен дождалась, пока отец кивнет, и выскользнула из комнаты. Прислонившись к двери с наружной стороны, она сдерживала рвущиеся наружу рыдания. Она сможет. Ради своего отца она справится.

Взяв себя в руки, она медленно спустилась по лестнице в поисках дворецкого или горничной, но никого не встретила. Поэтому отправилась на кухню. Незвестный ей повар что-то готовил, в помещении витал приятный аромат.

– Здравствуйте! Я Шеннон Макбрайт, – поздоровалась она с мужчиной лет сорока, который, судя по всему, колдовал над ее завтраком. – Хозяйка этого дома. – На ее взгляд, уточнение было нелишним в сложившейся ситуации. – Я не нашла никого из обслуги, кроме вас, поэтому прошу накрыть завтрак на двоих в чаду через полчаса.

– Но...

– Что? – Шен вопросительно приподняла бровь.

– Мистер Харридж распорядился...

– Мистер Харридж сможет распорядиться здесь, только когда станет моим мужем, и то с разрешения моего отца. А пока что я тут отдаю приказы. – Когда было необходимо, Шен становилась строгой и властной. – Поэтому что бы ни приказал сделать мистер Харридж, я отменяю его распоряжение и поручаю накрыть завтрак на двоих в саду. Через полчаса!

Повар в изумлении смотрел на нее. Джонатан Харридж предупредил, что сегодня привезет свою невесту, но представил дело так, что это маленькая, забитая девочка, которая и шагу не может сделать без опеки. А оказалось, что у нее есть стержень. «Ох, несладко придется ему с такой женошкой, – подумал повар, усмехнулся и кивнул в ответ на ее

слова. – Ну и славно». Хотя Харридж был его нанимателем, тем не менее вызывал не самые приятные чувства.

– Как вас зовут? – спросила Шеннон, осознав, что никого из прежней прислуги, как и сказала Энни, не осталось.

– Лоренцо Скьявон, мисс. Но можете звать меня Энцо.

– Хорошо, Энцо. Извините, что нагрубила вам. Вы не виноваты, что мой жених, – на последнем слове Шен чуть поморщилась, что не укрылось от взгляда повара, – слишком раскомандовался в чужом доме.

– Ничего, мисс. Я все понимаю. Не волнуйтесь. – Он подмигнул ей, и у Шен от сердца отлегло. – Ваш завтрак почти готов.

Все это время Лоренцо не отвлекался от готовки, соблазнительный запах щекотал ноздри, заставляя желудок недовольно урчать. После больничной еды очень хотелось чего-то домашнего. Шеннон вспомнила булочки с изюмом, которые пекла Энни, и чуть не расплакалась, но вовремя взяла себя в руки.

– Спасибо, Энцо. Мы пока прогуляемся с отцом.

Она быстро выбежала из кухни, а Лоренцо задумчиво качал головой. Он привык не задавать вопросов, делать все, что прикажет работодатель, выполнять свои обязанности и ни во что не вмешиваться... Но сейчас ему все отчетливей казалось, что во всей этой истории, рассказанной мистером Харриджем, правды очень мало. «Если она вообще есть», – пробурчал он и ловко перемешал салат в глубокой миске.

Его тревожили собственные ощущения и еще что-то, неуловимо витавшее в воздухе. С тех пор, как он пришел сюда работать, ни разу не видел мистера Макбрайта. Мистер Харридж сказал, что он болен, поэтому не выходит. Но как только приехала дочь, они сразу пошли гулять. Так быстро не выздоравливают. Что-то тут нечисто...

За такими размышлениями Лоренцо закончил приготовление завтрака, разложил все на подносе и пошел сервировать стол в саду.

Глава 17

– Брюс, когда я смогу забрать его домой? – Дэн смотрел на Алекса сквозь стекло палаты.

– Хоть сейчас. Наблюдение врача ему уже не нужно, а делать перевязки на руках можно и дома.

– Тогда готовь документы на выписку, я его забираю.

– Дэн, ему нужна помощь психолога, – тихо сказал Брюс и посмотрел на друга.

– Я знаю, но он не согласится. Будет говорить, что с ним все хорошо, что он это переживет. Но я его уговорю, рано или поздно.

– Лучше рано, чем поздно. Это в его же интересах, – сказал Брюс и похлопал Дэниела по руке. – Я подготовлю документы. А ты пока сообщи, что он едет домой.

Когда Дэн вошел в палату, Алекс повернул к нему голову.

– Кто здесь? – спросил он.

– Ал, это я.

– Дэн? Ты приехал? Наконец-то. Мне ничего не говорят, врут напрапалую, наверное, считают меня малолетним дурачком. Хоть ты скажи правду.

– Алекс, тебя не обманывают. Ты действительно серьезно пострадал и, скорее всего, никогда больше не сможешь видеть. Мне жаль.

– Да, тебе жаль. Конечно, что еще ты можешь? Только по-

жалеть бедного младшего брата, ущербного слепого инвалида. – В голосе было столько горечи, что Дэн непроизвольно поморщился от осознания собственного бессилия.

– Не говори так. Ты жив, это главное.

– Ты видишь, Дэн. Я нет. Уже нет.

– Ал, есть всякие люди. Кто-то рождается слепым...

– Дэн, им проще. Они не знают, как что выглядит, они не помнят, не скучают по всему этому. А я знаю, помню и точно буду скучать. Я не смогу...

– Сможешь. Я буду рядом. Я помогу.

– Ты не оставишь меня?

Дэн явственно услышал в голосе брата страх быть покинутым.

– Конечно, нет. Ты мой брат, Алекс. Моя семья. У меня никого нет, кроме тебя.

– А как же мама?

– Ее давно нет с нами, она в своем мире. И это не наша мама, Ал. Уже нет. Ты единственный, кто остался. Я тебя никогда не брошу.

Дэниел присел на край кровати и обнял брата. Тот зарылся лицом в вырез рубашки и громко сопел. «Иногда он такой ребенок, – подумал Дэн. – Но всегда будет моим младшим братом. Я несу за него ответственность».

– Поехали домой, Ал.

Алекс вцепился в его рубашку и не хотел отпускать.

– Мне страшно, Дэн. Как я буду там... один...

– Ты не будешь один. Тебя уже ждут. Тебе помогут.

– Кто ждет? – В голосе послышался интерес, и Алекс отпрянул от брата.

– Замечательная женщина. Ее зовут Энни.

– А кто она? – В голосе слышалось любопытство.

– Раньше, когда-то давно, она была няней маленькой девочки. – То, что эта самая девочка послужила причиной аварии, Дэн упоминать не стал: всему свое время. – Потом девочка выросла, а Энни стала экономкой.

– А у нас она как оказалась?

– Жених выросшей девочки выгнал ее. Теперь она будет помогать тебе, мне да и всем остальным. Ты справишься, Ал. – Дэниел ободряюще сжал плечо брата. – *Мы* справимся. Я сделаю все возможное и невозможное, чтобы вернуть тебе твою жизнь.

Алекс кивнул, но Дэн видел, что мыслями брат далеко. Сейчас было не время спрашивать. Настанет день, и они поговорят, как раньше.

Дэн вытащил сумку, которую принес с собой, подал брату одежду и помог разобраться с обувью. А после, придерживая его за локоть, аккуратно повел к двери и усадил в коляску, которая уже ждала на выходе из палаты. Оставалось лишь спуститься на первый этаж, проехать до выхода и дойти до машины. Дома будет проще. Дом, милый дом...

***

Подъезжая к дому, Дэн заметил на ступеньках Джеймса

и Кэтрин. Энни не было, но в окне новой комнаты брата он заметил силуэт. Все понятно, последние приготовления.

Выйдя из машины, он обошел ее, открыл дверь и подал руку брату. Тот неловко выгрузился, на ходу надевая черные очки, которые еще в больнице дал ему Дэниел. Он не знал, как выглядит его лицо, но думал, что не лучшим образом: повязки сняли только вчера, кожа еще тянула и побаливала, а шрамы были обширными и... неприятными. Все это Алекс узнал, как только с него сняли бинты. Он бросился ощупывать лицо, морщился от болезненности прикосновений и от отвращения. Хотя Дэн и обещал, что почти все исправит пластика (Брюс уже договорился с лучшим пластическим хирургом, своим другом по университету), Алексу было от этого ничуть не легче.

– Алекс, дорогой, – услышал он знакомый с детства голос и уже дернулся было побежать навстречу, как запнулся о ступеньку и чуть не упал, вовремя подхваченный братом. Кэтрин бросилась вперед, но Дэниел покачал головой, и экономка вернулась на место, с тревогой следя за братьями.

– Да уж, несладко мне придется, – пробурчал Алекс и попытался вспомнить, как выглядит лестница у парадного входа.

– Так, давай, аккуратно, здесь десять ступенек, – сказал Дэн. Придется брату запоминать бесконечное количество цифр: сколько ступенек, сколько шагов до комнаты, сколько – до кухни.

– Раз, два... – начал считать Алекс, одновременно переставляя ноги. Брат крепко держал его за локоть. – Десять. – Как только он преодолел последнюю ступеньку, сразу попал в жаркие объятия Кэтрин.

– Добро пожаловать домой, мистер Алекс, – официально произнес Джеймс и распахнул дверь. Кэтрин, обвив рукой младшего Карсона, повела его к входу.

– Осторожно, порожек, – сказала она, и Алекс послушно переступил. В душе клокотал гнев напополам с бессилием. Почему именно он? Почему сейчас? Множество вопросов и ни одного ответа. – Теперь твоя комната на первом этаже. Мы перенесли туда все вещи, чтобы тебе было привычнее.

Говоря это, Кэтрин обняла Алекса и повела в боковой коридор. В объятиях Кэтрин он наконец почувствовал себя дома. Как в старые добрые времена, когда она обнимала его при любой неудаче, и становилось легче. Обиды забывались, царапины меньше болели, и настроение само собой улучшалось. Жаль, что сейчас это не поможет. Зрение ему не вернет даже тысяча объятий.

– Ты дома, мой мальчик. – Голос Кэтрин прозвучал совсем рядом, такой родной и до боли знакомый. – Все будет хорошо, вот увидишь.

– Если бы... – вздохнул он и покачал головой.

– Ничего, Алекс, сделаешь пару пластических операций и будешь как новенький. Все наладится, мы справимся.

– Ал. – Он ощутил на плече руку брата и остановился. –

Обещаю, я сделаю все возможное, чтобы все исправить. Найму лучших врачей...

– Брюс – лучший. Он сказал, что ничего сделать нельзя.

– Чудеса случаются. – В голосе Кэтрин слышалась надежда. – Надо только верить.

– Я давно перестал верить в чудеса...

Он услышал, как впереди открылась дверь, и шагнул внутрь.

– Мистер Карсон... – Незнакомый женский голос раздался рядом, и он почувствовал прикосновение к своей руке. – Я Энн, ваша сиделка. Рада с вами познакомиться.

Алекс машинально протянул руку и ощутил пожатие даже через повязки. Оно было неожиданно крепким.

– Я тоже рад, Энни. Зовите меня Алексом. Мистер Карсон – это мой брат...

– Только для подчиненных, – усмехнулся Дэн. – Так меня зовут на работе. Здесь я Дэниел. Для всех. А теперь мы тебя оставим, тебе надо отдохнуть, Ал. Я зайду попозже.

– Хорошо. Я действительно устал.

– Пойдемте, мис... Алекс. Я помогу. – Энн взяла его за руку и повела за собой.

– Все предметы из вашей комнаты теперь здесь. Стоят на своих местах. Надо только вспомнить. Давайте, смелее...

Алекс послушался и постарался представить свою комнату: кровать, шкаф с любимыми книгами, стол, заваленный

всякой ерундой, гитара в углу, каминная полка с безделушками, которые раньше стояли у мамы...

Он повернулся в сторону стола и попробовал дойти до него. Пять шагов – и он уперся рукой в гладкую деревянную поверхность. Слабая улыбка коснулась губ.

Алекс аккуратно нащупал стул и сел. Руки сами потянулись к книге, которую он читал перед тем, как поехать на ту вечеринку. Она все еще лежала на столе корешком вверх. Он помнил, как мама все время ругала его за это, говорила, что нельзя так обращаться с книгами. Пока она жила с ними, даже когда уже была не в себе, замечала именно эти моменты. И он старался соответствовать маминым представлениям о хорошем. Думал, если будет делать так, как она хочет, мама выздоровеет. Увы...

Теперь матери не было, и некому было ругать его за подобное.

– Алекс, вам надо сменить повязку.

– Хорошо. – Он выпрямился. – Что надо делать?

– Ничего, просто протяните руки.

Алекс послушался. Он ощущал, как разматывается бинт, как нежные руки смазывают его ожоги мазью, как повязка вновь ложится на место. Благодаря лекарствам он почти не чувствовал боли, лишь неприятные тянущие ощущения. Он не знал, как выглядят его руки, но надеялся, что не так ужасно, как лицо. Однако ему была неприятна сама мысль о том, что он выглядит отвратительно.

– Не переживайте, Алекс. Все это можно исправить. – Энни будто прочитала его мысли.

– Но не глаза.

– Я... Мне очень жаль.

– Не стоит, сам виноват. Если бы не гонял на машине, ничего бы не было. Рано или поздно что-то произошло бы. Вселенная всегда наказывает безрассудных.

– Если бы не Шен...

– Шен? Кто это?

– Моя... воспитанница. Та девушка, которая бросилась наперерез вашей машине. Это она виновата. – Голос Энни был тихим и печальным. – Но, пожалуйста, не осуждайте ее. Она не хотела ничего плохого, просто спасала свою жизнь.

– Жизнь, значит? – Алекс задумался. – А что ей угрожало?

– Ее отец... – начала Энни, но запнулась. – У него неприятности. Один человек его шантажирует, заставляя Шеннон выйти за него замуж.

– А почему она не откажется? Это же какой-то каменный век!

– Шен боится его, боится за своего отца. Если бы на кону была только ее судьба, она бы отказалась не раздумывая. Но...

– А можно что-то сделать? – Он сам не знал, почему его так интересует судьба незнакомой девушки, которая еще и стала виновницей аварии и его нынешнего состояния. Хотя, надо отдать должное, если бы она просто ушла, он мог во-

обще не выжить. Ему просто казалось несправедливым, что кто-то решает чужую судьбу.

– К сожалению, нельзя.

– Мне очень жаль, Энни. – Он говорил правду.

– Мне тоже.

– Я бы хотел с ней познакомиться, – начал Алекс, но, вспомнив о том, как выглядит, запнулся и после некоторой паузы добавил: – Как-нибудь...

– Не думаю, что муж разрешит ей подобные посещения. Он ужасный человек. – В голосе Энни прорезался страх. – Я боюсь за нее, она с ним не справится...

Алекс искренне не понимал, как возможно подобное в современном мире. Брак по расчету еще кое-как укладывался в рамки нормального (в их среде это было не редкостью, хотя для себя он считал такое неприемлемым), но шантаж... Однако причин не доверять сиделке не было, хоть он ее и не знал. Нет никакого смысла выдумывать подобную историю. И все же ему казалось, что должен быть выход.

Глава 18

После завтрака на террасе в день ее возвращения Уильям пошел на поправку. Он заметно повеселел, стал нормально есть, иногда даже выходил из комнаты. Шен старалась проводить с отцом как можно больше времени. Это отвлекало ее от мыслей о ненавистной свадьбе. Она разработала план, однако боялась, что не сможет его осуществить. Но попытаться стоило. Если все получится, они с отцом навсегда избавятся от Харриджа. Судя по довольному лицу будущего мужа и сальному взгляду, которым тот провожал ее каждый раз, как видел, подготовка в свадьбе шла полным ходом. Шен полностью устранилась, заявив, что ее не интересует, как все будет происходить. Единственное, в чем ей пришлось участвовать, – примерка свадебного платья. Если бы не жених, которого она терпеть не могла, то покрасовалась бы перед зеркалом, покружилась, заставив легкий подол и длинный шлейф взлететь. Но она просто стояла, закрыв глаза, пока портниха подгоняла платье по фигуре, закалывая складки булавками и сетуя на худобу невесты. Шен было все равно. Она мечтала лишь об одном – чтобы все быстрее закончилось.

А еще она часто думала о брате Дэна, который сильно пострадал в аварии, несмотря на все ее усилия. Она даже не могла позвонить Энни, чтобы узнать, как у той дела. Харридж контролировал все, следил за каждым шагом. И ей

оставалось лишь общаться с отцом и новым поваром, который смешил ее, рассказывал об Италии, о своей семье, о еде, которую любит. Благодаря Лоренцо Шен и сама заинтересовалась поварским искусством и попросила научить ее готовить. Тот с радостью откликнулся на просьбу. Шеннон часами пропадала на кухне, нарезаая, смешивая, пробуя... Энцо и Шен были на одной волне, орудуя ножами и лопатками. Это тоже помогало глушить мысли о скорой свадьбе.

Накануне события Шен сидела в комнате и с ненавистью смотрела на свадебное платье. Оно было великолепно: тугой корсаж из гипюра оставлял плечи открытыми, подчеркивал достоинства фигуры и скрывал худобу, от которой Шен не избавилась даже за время пребывания дома; свободный «летающий» низ был усыпан мелкими бриллиантами и сверкал на солнце; высокие, до локтей, перчатки скрывали почти зажившие следы от ожогов; фата была расшита жемчугом. Атласные мягкие туфли на невысоком каблуке были настолько изящны, что напоминали хрустальные туфельки Золушки. При других обстоятельствах Шеннон была бы счастлива надеть этот наряд. Но сейчас ее терзали страх и неуверенность. Раз за разом она прокручивала в голове план, пытаясь найти слабые места, обдумывала детали, старалась предусмотреть все возможные варианты развития событий.

– Шен... – Голос отца раздался из-за приоткрытой двери, и от неожиданности она подпрыгнула на кровати. – К тебе можно, дочка?

– Конечно.

Уильям зашел и присел рядом с ней.

– Ты еще можешь отказаться. Мы справимся. – Голос был напряженным и печальным.

– Не могу. Обратного пути нет. Но ты прав: мы справимся. – Шен обняла отца.

– Джонатан – страшный человек. Я боюсь за тебя.

– Не волнуйся, все будет хорошо, обещаю. – Она произнесла это, пытаясь убедить то ли отца, то ли саму себя. – А теперь иди. Я хочу побыть одна.

Уильям встал и побрел к двери. На пороге остановился и оглянулся, посмотрев на нее. Ей вдруг показалось, что отец разом постарел лет на двадцать. Так же было, когда исчезла мама. Шеннон улыбнулась ему. Как только дверь закрылась, она дала волю слезам, беззвучно оплакивая себя, мать, отца и даже того парня, Алекса, который по ее вине стал слепым.

Выплакавшись, она почувствовала себя гораздо лучше. Решительно вытерла слезы и улыбнулась своему отражению.

– Я справлюсь. Я должна. Ради отца и всех остальных.

В последнюю ночь Шеннон практически не спала. Она почти до самого утра смотрела на небо, усыпанное сотнями искорок, и вспоминала маму. Миранда рассказывала дочери о Звездном мальчике, который живет среди звезд и знает мечту каждого ребенка. А еще он помогает, когда ребенок в беде.

– Шен, если тебе когда-нибудь будет грустно, одиноко, больно или страшно, посмотри на небо и позови Звездного мальчика.

– А разве он услышит?

– Конечно.

– И что будет?

– Он придет, возьмет тебя за руку и поведет на прогулку по звездам...

Ей было четыре, когда мама впервые рассказала о Звездном мальчике. И маленькая Шеннон поверила в него. Как и сказала мама, когда у нее что-то не ладилось, она звала Звездного мальчика и просила взять с собой на прогулку. И ждала. А потом засыпала, и ей снилось, как она шагает по сверкающей дорожке, вокруг мерцают звезды, водят хоро-воды, а рядом идет Звездный мальчик, держит ее за руку и улыбается. Мальчик был и сам как маленькая звездочка: все его тело сияло и искрилось. Она просыпалась, и чаще всего оказывалось, что все проблемы решены, а беды позади. И так было до тех пор, пока не исчезла мама. В те дни она звала Звездного мальчика каждый день, засыпала в слезах, но сны про него ей больше не снились. Сначала она расстраивалась, думала, что он, наверное, очень занят, поэтому не приходит. Потом злилась, думая, что он ее бросил. Потом она его возненавидела. И не вспоминала много лет, хотя продолжала смотреть на звезды. Они ее притягивали, манили.

Она представляла, как поднимается в небо и кружится там, посреди бриллиантовой россыпи.

И вот сегодня Шен решила в последний раз позвать Звездного мальчика. Да, она уже выросла и прекрасно понимала, что это сказка. Но детская вера в чудо еще не совсем угасла в душе, да и помощь пригодилась бы. И она смотрела в небо, усыпанное мириадами звездочек, звала мальчика и верила, что он придет и поможет. Потому что еще никогда в жизни ей не было так грустно и так страшно, как сейчас.

Заснула она (со следами слез на щеках) уже под утро, когда горизонт начал светлеть, а звезды – меркнуть. И ей снилось, что она идет по дорожке среди звезд, но... одна.

Она проснулась, когда в дверь настойчиво постучали. Вспомнила сон и усмехнулась.

– Ну конечно, мальчик вырос, нашел себе Звездную девочку, завели они звездных детишек и живут они все в каком-нибудь большом звездном доме. Ему не до меня... Чудеса существуют, но их надо творить своими руками. Этим я и займусь.

Выкинув из головы детские сказки, она решительно встала и открыла дверь. На пороге стояла горничная.

– Мисс, вам надо собираться. Уже пришли парикмахерша, стилист и портниха. Все ждут только вас.

Дженни, девушка, которую Харридж нанял горничной, с самого начала испытывала к Шеннон явное презрение, смотрела свысока, будто это Шен была прислугой, а она сама – хо-

зьяйкой этого дома. Сначала Шеннон не могла понять, в чем дело, а потом, будучи на кухне, услышала за окном разговор Дженни по телефону. Та говорила, что рано или поздно станет хозяйкой всего, потому что нравится мистеру Харриджу. Рассказывала, как он однажды зашел в комнату, когда она меняла постельное белье, и взял ее прямо там, среди развороченной кровати. Обещала, что прижмет его к ногтю, заставит развестись с «этой малолеткой» и окольцует. Шеннон же обрадовалась: чем больше времени Харридж проводит с другими женщинами, тем меньше у нее проблем. Если бы она могла, отдала его этой Дженни с потрохами еще до свадьбы. Даже свадебным платьем поделилась бы (если бы то нашлось на фигуристую горничную). Но прекрасно знала, что это невозможно. Однако оставался еще один вопрос: почему нужна была именно свадьба? Раз он ее так хотел (Шен поморщилась от этой мысли), то почему бы просто не переспать? Зачем жениться? Что-то тут было не так, и она должна была это выяснить.

– Да, конечно. Мне нужно полчаса, а потом я в их распоряжении.

– Хорошо, мисс, я передам.

Дженни смирила ее презрительным взглядом и удалилась, виляя бедрами. «Ей бы юбочку покороче и метелку в руки – была бы точь-в-точь Марта из «Дикого ангела». Такая же кудрявая, вредная и похотливая. И тоже мечтает выйти замуж за хозяина». Будучи подростком, Шен посмотрела этот

сериал и искренне переживала за героев. Искала их черты в людях, которых встречала, наедине с собой ставила сценки, говорила разными голосами... И мечтала о любви. Конечно, какая девушка не мечтает о прекрасном принце?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

